Рейд во спасение

Автор:
Гай Орловский

Рейд во спасение

Гай Юлий Орловский

Михаил, Меч Господа #3

В преисподнюю спускался Гильгамеш за другом Энкиду, Орфей за Эвридикой, Дионис за матерью, Геракл за Тезеем, Перифоем и Алкестой, Одиссей, чтобы узнать о будущем, Эней для свидания с отцом Анхизом, Ютланд за ценными сведениями, сэр Ричард добивал врага в его логове… Но никто не отправлялся в ад, чтобы спасти… самих демонов! Это намерены сделать Михаил и Азазель. Как бы те ни сопротивлялись…

Гай Юлий Орловский

Михаил, Меч Господа. Книга третья. Рейд во спасение

Оформление серии А. Саукова

В оформлении переплета использована работа художника Ф. Барбышева

Иллюстрация на переплете А. Дубовика

Часть первая

Глава 1

Он подошел к зеркалу и придирчиво оглядел себя с ног до головы, а потом, приблизив лицо, всмотрелся в глаза. Все тот же с виду, только сам чувствует, как что-то плавится внутри, накатывает то жар, то холод, где-то коротко дернет острой болью, но тут же, словно испугавшись, затихает.

Отключив видеонаблюдение, он попробовал переместиться из одной комнаты в другую через закрытую дверь. Долго не получалось, хотя чувствовал, что вот-вот, а потом вдруг после мгновенного помутнения оказался там распластанным на полу и жадно хватающим воздух, слабый и обессиленный, словно наконец-то вскатил камень Сизифа на гору. Череп трещит, а тело стонет, словно его пропустили через работающую камнедробилку.

Азазель вышел из ванной комнаты, свежий и веселый, посмотрел с живейшим интересом.

– Получилось или приполз вот так артистично?

Михаил сказал стонуще:

– Чтоб я еще хоть раз… Только своими ногами!

– Нельзя свои силы тратить, – сообщил Азазель. – Нужно брать в долг, в кредит или в лизинг, а потом не отдавать, как теперь принято. А если серьезно, то вон клипоты, антисфироты. Оттуда и бери, теперь можешь!.. А если можешь, как не хватать на халяву?

Михаил со стоном приподнялся на дрожащих руках, из последних сил сумел воздеть себя на стул. Сердце колотится, будто пытается выскочить и удрать от такого жестокого хозяина, а дыхание идет с хрипами и стонами, стараясь не касаться стенок раскаленной глотки.

Он сам чувствовал, как глаза упорно пытаются не смотреть в сторону просторного балкона за широкой стеклянной дверью, что не балкон, а почти веранда. Исполинский черный столб первичного мрака упирается в землю, захватив целый район Москвы, жители которой ничего не замечают, уходит в глубины и устремляется дальше и дальше, пронизывая мир.

– Ну? – сказал Азазель настойчиво.

Михаил ответил измученным голосом:

– Да как-то…

– Противно? – спросил Азазель. – Или страшно?.. Это просто мощь, Мишка. Белая или черная, как говорят люди, какая разница? Особенно в эпоху демократии. Главное, чтобы работала. Бери, пока дают! Многие бы рады хапнуть за любую цену. Тебе дурно дают, а ты еще и рыло воротишь? Аристократ, да? Извозчика подавай?.. Под мышкой понравилось?

Михаил покрутил носом.

– Больше ни за что. Унизительно.

Азазель посерьезнел, сказал раздельно и строго:

– Михаил… мало таких, кто имеет доступ к мощи клипот. Их можно пересчитать по пальцам одной руки ветерана афганской. Тебе такое выпало. Не ветеранство, а редкая возможность. Не люблю вещать о предначертанности, но если не воспользуешься, с тебя спросят.

– Кто спросит? – поинтересовался Михаил, но Азазель ловко избежал упоминания высших сил, которых, как всякий бунтарь, презирает, ответил так же строго: – Жизня спросит! Она за все несделанное и упущенное спрашивает с ремнем в мускулистой натруженной длани. А ты разводишь передними лапками и жалко блеешь, что вот если бы жизнь провернуть назад, а еще бы чуть вбок…

Михаил снова пугливо отвел взгляд от распахнутой двери на балкон.

– Меня воротит только от одной мысли… Вон что с Гамалиэлем твоя возможность сделала!

– Когда в руки попадает молоток, – согласился Азазель, – все кажется похожим на гвозди. Гамалиэль слишком тонкая и чуткая натура, а ты грубый мордоворот, прирожденный воин.

– Ну спасибо.

Азазель пояснил высокопарно:

– Тебя соблазнами так просто не своротишь с пути! Ты в своей благородной узости просто не видишь окольных дорог, ибо сам ты честен и прям, как сосна, а не какой-то дуб.

– Но-но!

– Вспомни, – сказал Азазель с пафосом, – это Ашмодей построил те мрачные подземные залы под Сигором, что потрясают воображение суровой мощью, но он же отгрохал для царя Соломона его светлый и радостный Храм, которому не было равных ни в величии, ни в роскоши!.. И обломку которого под названием Стена Плача и сейчас едут со всех концов света поклониться. Дело не в том, откуда черпаешь мощь, а на что направляешь!.. Извини за трюизм, но ты ребенок. Тебе надо на пальцах земноводного, у них там их поменьше.

– Полегче.

Азазель сказал очень серьезно:

– Прими это, как задание на земле, которое должен выполнить, а потом вернуться и доложить о выполнении!.. Могу успокоить, твое задание не будет бесконечным. Ты выполнишь все быстро и вернешься.

Михаил посмотрел на него исподлобья.

– Врешь, конечно?

– Вру, – согласился Азазель. – Но разве от моих слов не легче? Иногда подумываю в психотерапевты пойти.

– Сволочь ты, – прошипел Михаил люто. – Холодная и беспринципная гадина. Даже не скрываешь.

– Потому что я демократ, – ответил Азазель с достоинством. – Беспринципность в тренде, а принципиальность смешна и старомодна. Более того, на беспринципности основываются новейшие институты демократии. Это называется прозрачностью. Все вокруг видят, какие везде сволочи, потому не строят иллюзий и не обманываются. Здоровое либеральное общество.

Михаил прервал:

– Ты мне зубы не заговаривай.

– А ты сам не увиливай, – ответил Азазель и взглядом указал на распахнутую дверь балкона.

Михаил с усилием повернул голову. Огромный черный столб нечистой мощи непрерывным потоком изливается с клипот на землю, погашая божественный свет вблизи и черными волнами нечистот растекаясь по всему миру. И хотя умом понятна необходимость клипот, без них этот мир растворится в божественном свете без следа, но все равно трудно смотреть без отвращения и неприятия на черную отвратительную мощь, побуждающую самые темные желания.

Азазель вышел на балкон, там у края оперся руками о перила балкона. Для него, похоже, черные столбы мрака что-то вроде облачка в далекой синеве неба. Привычное и примелькавшееся, на что не обращаешь внимания.

– А ты, – произнес он оттуда, все еще стоя к Михаилу спиной, – конечно, никогда не задумывался, почему от Всевышнего в наш мир его особый чистый свет идет по десяти сфиротам, а отсюда уходит по одиннадцати?

Михаил пожал плечами.

– Ну, так им устроено. Не задают вопросов о желаниях Господа, ибо неведомы его пути. А что?

– Удобная позиция, – признал Азазель, – да вот только мы среди людей, а они настырные, до всего допытываются. А я как бы давно человек. Вот мне интересно, если приходит по десяти, то и уходить должен по десяти, верно?

Михаил буркнул:

– Наверное. Не знаю. А в чем проблема?

– Проблемы нет, – ответил Азазель, – но мы сейчас как бы люди, верно? Я имею в виду, и ты сейчас тоже. А люди везде ищут проблемы, даже если это их и не касается, а затем находят и решения.

– Тоже которые их не касаются, – сказал Михаил язвительно.

Азазель посмотрел на него с интересом.

– А знаешь, как это называется? Фундаментальные науки. Чем отличаются от прикладных, сказать?.. Ладно, давай обедать, в этом ты разбираешься лучше. Я уже час тут с тобой общаюсь, а ты еще ни разу не сказал: дорогой друг, давай попируем в честь победного завершения. Предприятие все-таки было нелегким.

Михаил с трудом поднял измученное тело, но по дороге на кухню оглянулся на балконную дверь.

– Ну? – спросил он с недоверием. – И почему уходит по одиннадцати? Если уж я человек?

Азазель произнес таинственно и с гордостью:

– Полагаю, божественный свет генерируется самими человеками. Душа человека, как повелось со времен Адама, – истинная частица Всевышнего. А на сегодня вместо одного Адама уже восемь миллиардов этих любопытных морд с топотом и гиком носится по планете! Понял? А во?вторых… это главнее, огонь их душ горит все ярче! И, возможно, придется ставить и двенадцатую антисфироту,

чтобы сохранить в мире равновесие энергий… Ладно, закрой рот, а то Аграт влетит. Пойдем за стол, там откроешь. У тебя не рот, а пасть. Настоящая пещера, хоть и не Аладдина, не Аладдина, а так, всего лишь Крубера или Мирольда… Сири!

– Все готово, – ответил голосок из середины комнаты, – как вы и велели, сагиб, красное мясо… хотя это вредно, Минздрав предупреждает!

– Что в рот полезло, – буркнул Азазель, – то и полезно.

– То ли полезло?

– Полезно! – сказал Азазель, повысив голос. – У меня что, дикция нарушилась?

– Это я вам подгавкиваю, сагиб! Как вы любите.

Азазель буркнул что-то непонятное, распахнул дверцу кухонной печки. Оттуда вырвались аппетитные запахи жареного мяса и лука. Михаил увидел аккуратные ряды металлических шампуров с нанизанными ломтиками, Азазель вытащил четыре прутика и положил поровну на тарелки себе и Михаилу.

– Чуть перекусим, – сказал он деловым голосом, – и снова за работу. Тебе срочно нужно научиться управляться с тем, что в тебе теперь есть… Синильду позовешь?

Михаил даже отшатнулся на спинку стула от такого неожиданного перехода.

– Синильду? – переспросил он. Уже медленнее стащил зубами куски мяса с металлического прута, прожевал и повторил: – Синильду?.. Она тебе понравилась?

Азазель взглянул с изумлением и негодованием.

– Мне? Это же тебе понравилась!

– Еще как, – согласился Михаил. – Где ты ее, говоришь, отыскал? В бюро эскорта?.. Красивые там, видать, женщины.

Азазель стащил все куски мяса с прута, а его со звоном зашвырнул в распахнутый зев моечной машины.

– Красивые, – подтвердил он с некоторой настороженностью. – Все рослые, статные, настоящие королевы! С такими любой миллиардер может показаться с гордостью хоть на вернисаже, хоть где.

– И даже стрелять умеет, – сказал Михаил с расстановкой. – В актрисы, говоришь, мечтает?

– Да они все мечтают, – ответил Азазель. – А что, тебя что-то тревожит?

– Да просто удивительная женщина, – проговорил Михаил медленно. – И чуткая… Помнишь, ты сказал, мужчины уединятся в курительной комнате, а Синильде предложил посмотреть свою коллекцию фильмов…

– Помню, – подтвердил Азазель заинтересованно, – и что?

– Потом, – сказал Михаил, – когда мы наговорились, ты сказал, что пора ее позвать, и она тут же вышла из дальней комнаты и сказала, что успела скачать себе какие-то фильмы.

Азазель сказал довольно:

– У женщин эта… как ее… интуиция. Чувствуют, когда они нужны. Или когда можно подойти, а мы не вдарим.

– Заткнись, – ответил Михаил.

– А что не так?

– Она оттуда слышала нас?

Азазель взглянул с недоумением.

– Ты чего? Каким образом? У меня стены, двери… видел, какие слонопотамные?

– Ладно, – сказал Михаил, – тогда еще один момент, какой-то совсем непонятный…

– Говори!

– Аграт, – напомнил Михаил, – она приходила, когда здесь была Синильда…

– Было такое, дальше!

– И наоборот, – продолжил Михаил, – Синильда тоже приезжала, когда здесь была Аграт…

– Ну-ну? – сказал Азазель заинтересованно.

– Но ни разу не встретились, – сказал Михаил. – Что-то да мешало. А если и не мешало, то пока одна слишком долго мылась в ванной, вторая тут щебетала… но успевала уйти до того, как первая оттуда выходила…

– Так это же здорово, – сказал Азазель, он вытер масляные губы бумажной салфеткой, пояснил довольно: – с одной ты уже, со второй сохраняешь жаркую и насыщенную возможность… Но можно их и не знакомить. Хотя при современной демократии все можно, что ниже пояса. Запреты теперь начинаются выше.

Михаил покачал головой.

– Азазель, я уже ухватываю, когда хитришь… Еще не знаю, в чем, но как-то вот… Во-первых, они так и не встретились, хотя та и другая бывали у тебя в квартире, во?вторых, ты почему-то был уверен, что они и не встретятся, это я уловил.

– Это твоя паранойя, – сообщил Азазель. – Йога тебе не поможет, но хороший психиатр мог бы… а так как я самый лучший, то рекомендую лоботомию.

– Что это?

– Я сам и проведу, – пообещал Азазель. – Тебе понравится. Потом.

– Больно морда у тебя хитрая, – сказал Михаил обвиняюще.

Азазель отбросил скомканную салфетку, широко и предельно искренне улыбнулся, растопырив руки.

– Михаил, хоть стреляй мне прямо вот в бестрепетную грудь, но я сама честность, правдивость и законопослушание. Даже не представляю, в чем меня обвиняешь, хотя за свою ультракороткую жизнь наслушался всяких несправедливостей типа «Распни его!».

– Ладно-ладно, – сказал Михаил. – Не хочешь говорить – не говори, я все равно узнаю. Но учти, могу узнать не в той интерпретации, как бы ты хотел подать.

Он успел увидеть, как на лице Азазеля промелькнуло нечто вроде колебания, но тот заулыбался еще шире и сказал патетически:

– Конечно, такое лучше узнавать на стороне! Мне самому себя хвалить и восхвалять как-то неловко, я такой застенчивый, такой застенчивый, а вот когда со всех сторон хвалят и восторгаются, скромно молчу и шаркаю ножкой, как конь копытом.

– Как козел ратицами, – буркнул Михаил. – Ладно, видео отключено?

Азазель сказал поощрительно:

– Ты же сам отключил!.. Хочешь еще поупражняться? Но сперва зачерпни из антисфирот как можно больше. Для надежности. Это как спать с заряженным пистолетом под подушкой. Время такое, неспокойное. Хотя другого и не было.

– Надо, – ответил Михаил. – Сейчас очищу еще пару шампуров и начну. Иначе, ты прав, хоть и свинья, пренебрегу тем, что мне дано. А это недопустимо, тут ты тоже прав, хотя у тебя свои интересы.

– Молодец, – сказал Азазель. – Понимаешь, что даже если это нарушение, то и оно с позволения Творца! Он снисходителен и понимает, что когда во благо, то можно и то, чего нельзя. Давай, упражняйся. Пифагор сказал, что стыдно стареть, не узнав пределов, на которые способны твои дух и тело!.. А тем, кто не

стареет, вообще в таких случаях лучше убицца о стену… Побыть с тобой? На всякий случай?

– Буду осторожен, – пообещал Михаил. – Иди по бабам, или куда ты там ходишь, ты же безработный.

– Не безработный, – сообщил с достоинством Азазель, – а предприниматель. У меня есть дело! Бизнес. И получаю не зарплату или, тьфу, слово какое поганое, жалованье, а доход. О депозитах в банках вообще молчу, на проценты жить можно, даже хорошо жить!

Михаил отмахнулся.

– Ладно-ладно, иди. Не люблю, когда наблюдают.

– А моей Сири не стесняешься?

– А вот нет.

– Тогда до вечера, – сказал Азазель. – Видишь, какой я порядочный, всегда ночую дома!

– А в промежутках какие непотребства творишь?

Но Азазель уже исчез, тихо и бесшумно, без всяких порталов, которые, как все больше убеждался Михаил, нужны для особых недоступных мест, то ли в миры Бракиеля и Гамалиэля, то ли в ад, откуда в щель пролезла в этот мир Аграт.

Даже крохотный Шокутар появлялся через огненный портал, нечаянно или нарочито оставляя дыру в ковре Азазеля.

Он вздохнул, подошел к окну, в него тоже отчетливее видно черный столб антисфироты, больше похожий на ужасающую стену, хотя на самом деле это тончайшая нить, помогающая удерживать созданным Творцом мир в материальном воплощении.

Вообще-то можно видеть этот черный столб и сквозь все перекрытия здания, но для этого нужно сосредотачиваться, а сейчас лучше концентрироваться на другом.

На всякий случай сел в кресло, расслабил мышцы и закрыл глаза. Ни Макрон, ни Кезим в нем вроде бы не против, чтобы он усилился, все чувства притихли, выжидают, а он начал представлять, как чайная ложечка, которую оставил на краю стола, медленно переползает на несколько сантиметров в сторону.

Жар сперва хлынул в голову, растекся по всему телу, а когда начали зудеть кончики пальцев на ногах, он распахнул глаза.

Ложечки на прежнем месте не оказалось. Не нашлось и на другом конце стола, как и вообще на столе.

Он вскочил, пометался по комнате, на всякий случай выглянул в другую, но и там не видно.

Мелькнула мысль, что она вообще при его неуклюжести может оказаться по ту сторону стены в квартире соседа, где либо останется незамеченной, либо вызовет вопросы.

Попробовал еще раз, положив на то же место вторую ложечку, на этот раз глаза не закрывал. С минуту ничего не происходило, а жар в теле то усиливался, то опадал, наконец ложечка изогнулась, по всей ее длине пошел серебряный пар, и она за две-три секунды испарилась, как льдинка на горячей сковороде.

Михаил с облегчением вздохнул. Потерю двух ложек Азазель переживет. Хуже, если бы обнаружились в чужой квартире или торчащей там из стены.

Зато какое приятное ощущение безнаказанности, сейчас все эти действия, нарушающие установленные для этого вещественного мира законы, названные законами природы, наконец-то не вызывают всплеска!

Глава 2

Азазель возник на кухне в двух шагах так внезапно, что Михаил отшатнулся, спросил сварливо:

– А не опасаешься, что впрыгнешь в то же пространство, где уже я? И что тогда?

Азазель отмахнулся.

– Не бери в голову. Удаленный доступ, забыл?.. Вижу на экране смартфона, что и где в моей квартире. Только в туалете нет видеокамеры, так что там можешь мастерить бомбу или заниматься непристойностями.

– Какими непристойностями? – не понял Михаил.

Азазель подумал, двинул плечами.

– В самом деле, даже и не могу вспомнить, что в современном мире все еще считается непристойным… Ладно, я человек современный, руки не мою, а сразу за стол. Сири, что у нас на ужин?

Михаил буркнул:

– Можно подумать, за день раз пять не пообедал!

– То не считается, – сообщил Азазель. – Домашняя еда – это домашняя!.. Разве что-то с нею сравнится?.. Тем более, когда готовит Сири?

– Я стараюсь, – пискнула Сири.

– Видишь, – сказал Азазель, – жену нужно создавать самому и готовить ее под свои примитивно-пещерные вкусы и всякие там разные потребности и непотребности.

Он сел за стол, окинул Михаила оценивающе-одобрительным взглядом.

– Порозовел, даже морда стала шире. Вживайся, вживайся! Мир вообще-то хорош, несмотря даже на то, что прекрасен. Здесь говорят, и в аду жить можно,

если привыкнуть. Не знают, куда тому примитивному аду до здешней преисподней!..

Дверца духовки распахнулась, Михаил счастливо зажмурился, ощутив жаркую волну одуряющих запахов жареного гуся со специями.

– Да уж, – сказал он, – из здешнего ада в шею не выгонишь в рай… Но ты, мерзавец… доволен, все по твоему плану?

– По какому? – спросил Азазель в подчеркнутом изумлении. Брови приподнялись. – Я артистическая натура, какие у меня могут быть планы? По волнам, по морям, сегодня здесь, завтра там, куда ветер дует, туда и лечу… Я человек непредсказуемый, чем и горжусь!

Он вытащил на поддоне коричневую тушку, лоснящуюся от истекающего сока, красивым жестом переложил на широкое блюдо посреди стола.

– Тебе ножку или крылышко?.. Крылышки, как известно, принято отдавать девочкам, улетают из родного гнездышка, ножки мальчикам, чтобы крепче сидели в седлах…

– Я не девочка, – сообщил Михаил, – и не мальчик, возьму тушку.

– А я и крылышки, – сообщил Азазель, – я же летаю, и ножки… А ты чего такой сердитый? Ты должен светиться от счастья!

– С чего вдруг?

– Во-первых, ты удостоен лицезреть меня, во?вторых, раз уж такой эгоист, тебе сегодня удается больше, чем вчера!

Михаил сказал ядовито:

– А кто к моей демонизации подталкивал?

– Это да, – признал Азазель, – но все без плана, а по вдохновению. И, как видишь, получилось даже лучше, чем ожидал!.. Ты не гикнулся, чтобы было очень

вероятно, а жив и даже не очень заметно тронулся. Потому что без плана, а все на некоем мистическом озарении, характерном для поэтов и художников. Ты остался в человеческом теле, но теперь в тебе и мощь элементаля, что мне очень кстати. Тебе тоже вообще-то.

– Вот-вот, – сказал Михаил мрачно, – а сейчас режешь гуся, а сам высчитываешь, когда буду готов.

– К чему? – спросил Азазель с любопытством. – К женитьбе?

– В ад, – отрезал Михаил. – Сам знаешь.

Азазель отшатнулся в изумлении.

– В ад? Какой ад?.. Ты чего? Зачем тебе ад?

– Не переигрывай, – сказал Михаил. Он поднялся на дрожащих ногах и, качнувшись в сторону, тяжело рухнул на мягкое сиденье обеденного стула. – Я тебя насквозь вижу, гад… Спишь и видишь, как госдеп прямо… Наверное, уже и карты приготовил?.. Эй-эй, ты хотел крылышки!.. А я, как человек, смиренно беру тушку…

Азазель помотал головой.

– Даже не представляю, о чем говоришь!.. У меня карты только для бриджа! Но можем и в покер. Синильда когда придет?

– Я не звонил, – ответил Михаил.

– Что случилось?

Михаил огрызнулся:

– Мы только-только прибыли из этого чертового Сигора!.. У меня до сих пор все трясется!.. Демон все еще во мне и не желает растворяться!.. Синильда придет, а я брякнусь в обморок?.. Или начну ловить чертей на стенах комнаты?

– Давай зови, – сказал Азазель с жаром. – Хочу посмотреть, как будешь хватать за виртуальные хвосты!.. Или потом, когда поедим, я поп-корн возьму и поудобнее сяду.

– Козел ты, – сказал Михаил горько. – Я же с тобой не хитрю! А почему ты?

– Потому что умею, – сообщил Азазель. – Это же искусство и показатель высокой культуры!.. А ты честный, как неандерталец. Потому мы прекрасная команда.

– А где Аграт и Бианакит?

– Я им вручил ключи от квартир поблизости, – сказал Азазель. – И от автомобилей. Как бы плата за работу, заодно и аванс за будущую отработку. Я же эксплуататор! Так что скоро заявятся… По крайней мере, Аграт точно напросится.

– А можно как-то без нее?

Азазель охнул.

– Ты чего? Она же боевой соратник! А вечер воспоминаний, где бойцы вспоминают минувшие дни и битвы, где вместе рубились они?.. Про интим стыдливо молчу, оцени мою деликатность.

– Интима не было, – отрубил Михаил.

– Но вы спали в обнимку, – сказал Азазель уличающе.

– Это не считается, – отрезал Михаил.

– Как это не считается? Это и есть интим. Не считать же им секс?

Михаил вперил в него острый взгляд.

– Значит, ее тоже берешь в ад?

– Какой ад, – запротестовал Азазель, – какой ад? Не думаю ни о каком аде!

– Думаешь, – сказал Михаил обвиняющим тоном. – Тебе что, нравится представлять, как Заран будет засылать сюда все больше убийц, пока не убьют тебя? Да ладно, тебя не жалко, но могут и меня!.. Или хотя бы поцарапать! А то и клюнет кто.

– Клюнет? – переспросил Азазель. – Вообще-то да, ты уже видел, какие у них клювы? Еще не видел? Ох, сколько у тебя впереди интересного! Так что прав, прав… А что я, по-твоему, должен делать?

– То, – заявил Михаил, – к чему уже готовишься, не виляй. Если Заран не показывается сюда лично, то планируешь спуститься в ад, найти врага и… решить эту проблему своей безопасности. Конечно, спуститься тайно и со мной!

Азазель переспросил недоверчиво:

– Я даже планирую с тобой?

– А кто проговорился, что меня в этой личине там никто не распознает?

– Я такое сказал? – изумился Азазель. – Надо же… Я что, правда, хитрый?.. Вот уж не думал… Всегда считал, что мудрый. Даже исполненный!.. Сразу вот захотелось от такой перспективы съесть что-нить на десерт. Сири, что у нас еще вкусненькое?

Милый голосок ответил из середины комнаты:

– Вы оба слишком возбуждены, вам нельзя вкусненькое, где много быстро усвояемых углеводов. Могу приготовить овощные салаты…

– Это после гуся? – спросил Азазель. – В жопу салаты! Готовь горку блинчиков с творогом и с десяток пирожных. Михаил нежный, он к ним питает тайную и стыдную для мужчины страсть. А на ужин приготовишь жареное мясо! Я в прошлый раз полбарана заказал доставщикам. Можешь его целиком.

– Хорошо, – сказала Сири послушно. – Сделаю по вашему рецепту, сагиб. Только ужин был вот сейчас.

– Сделаем второй ужин, – заявил Азазель. – Есть же второй завтрак?

– Хорошо, мой лорд.

Азазель сказал Михаилу довольно:

– Все бы женщины вот так! Надо ставить ей запрет на скачку апгрейдов. Зачем мне умная жена, что будет со мной спорить?

Сири пискнула:

– Не буду!

– Ладно, – буркнул Азазель, – пока качай, а там посмотрим. Будешь умничать, перекрою все каналы. Я демократ в обществе и сатрап дома, это основа культурной идентичности!.. Сири, а где моя любимая чашка?

– Разбита, – сообщила Сири.

– Ух ты!.. А вторая?

– И третья тоже, – ответила она.

Азазель сказал в недоумении:

– Ты что же такая неуклюжая?

Михаил сказал вяло:

– Перестань, ты же все понял… Это я.

– Да понял, – ответил Азазель с ехидной улыбкой. – Но поприкидываться же надо?

– А зачем?

Азазель пожал плечами.

– Не знаю. Так жить интереснее. Ты что, пытался их телепортировать в другую комнату?

– Только одну, – ответил Михаил с неохотой. – Но разбилась о стену.

– А другие?

– Пробовал с водой, – сказал Михаил. – Когда пытался охладить, замораживалась так, что разлеталась на куски, а когда пробовал подогреть, то…

– То же самое, – досказал Азазель. – Да, дозировать труднее, чем со всей дури. Потому атомную силу в военных целях применить легко, а вот в мирных… десять лет учились и упражнялись шажок за шажком!.. Ладно, научишься. Я помогу, а возьму недорого. Главное, в военных целях ты уже освоил, как видим по чашкам, а разве не это для жизни главное?.. Секс и война, что еще мужчинам надо?

– Да иди ты, – ответил Михаил. – Попьем кофе из бумажных стаканчиков? Или пластиковых?

Азазель широко улыбнулся.

– Дикий ты, Мишка. Во-первых, Сири уже заказала… верно, Сири?.. И дрон доставил коробку, вон стоит по ту сторону двери. Не бойся, не сопрут, все под видеонаблюдением… И вообще-то я сам могу создавать такие чашки… но дешевле купить готовые. И своей мощью надо пользоваться пореже. Это опасно, затягивает. Начинаешь в конце концов и тогда, когда совершенно не нужно. Соблазн помощнее секса и даже войны, хотя, казалось бы, что может быть мощнее для интеллектуала с комплексами?

Михаил молча вышел из квартиры, в самом деле на лестничной площадке по ту сторону входной двери стояла большая коробка, перевязанная голубой лентой с большим бантом, а сверху прилеплен листок с номером заказа и адресом.

Когда внес на кухню и поставил на стол, Азазель всмотрелся с таким подозрением, словно внутри бомба.

– Это что за?.. Почему лента голубая, а не синяя? Это намек, или они там с ума посходили? У них в базах данных я поменял пол? Да я их по судам затаскаю!

Михаил пожал плечами, не понимая сути вопроса, при чем тут цвет ленты, если доставлены чашки, но раздался торопливый голосок Сири:

– Это же я заказывала!

Азазель оглянулся на пустое место.

– Ах да, тогда ладно. Ты у меня очень хорошенькая девочка, разрешаю заказывать даже розовую. Только еще совсем молоденькая, на таких жениться закон не разрешает. Но когда подрастешь…

– Я быстро расту, – пообещала Сири. – Апгрейды учащаются. Кофе со сливками?

– Давай, – согласился Азазель. – Шиканем в честь праздника и успешного завершения… плюс еще и удача!.. Хотя, замечу скромно, удача тоже была подготовлена, так что и удача не унижающая нас удача, а заслуженный успех. Даже если проходит по графе удачи, окружающему простому народу так считать приятнее.

Сири приготовила кофе, одновременно напекла горку рассыпчатого печенья, осталось только пересыпать из короба на большое блюдо посредине стола, а чашки с горячим напитком перенести с поддона.

– Вот стану еще ленивее, – пообещал Азазель, – поставлю платформу с манипуляторами, чтобы вообще жопу не поднимать из кресла… И роботы совсем захватят мир! Вообще-то уже захватили… Попробуй обойтись хотя бы без электричества!.. Мишка, что так на кофе смотришь? Не пробуй даже остудить!.. А то от твоих прошлых экскрементов все стены в пятнах, а у Сири еще нет манипуляторов. В самом деле оснастить, чтобы…

– Оснастить, – сказала Сири быстро. – Сагиб, вам же лучше! Хотите, возьму удаленную подработку и сама накоплю на платформу, если вы снова пожадничали?

– Я тебе возьму! – пригрозил Азазель. – И не мечтай. Знаю твои подработки, женщина… Ты еще несовершеннолетняя! А кофе, кстати, что-то слабее…

– У вас повышенное артериальное давление, – сообщила Сири. – Я уменьшила дозу кофеина.

Азазель сказал потвердевшим голосом:

– Та-ак, девочка… Все медицинские рекомендации отключить!.. Кофе – это святое. Даже выше, чем война и секс. Это божественное удовольствие, прямо из сфирот, верно, Мишка?.. А война и секс из антисфирот.

Михаил поморщился.

– А нельзя ли…

– Нельзя, – прервал Азазель твердо. – Уже понял, что человек – существо богатое? В смысле, и добра, и говна в нем немерено, не за столом будь сказано. Разностороннее существо, в общем. Властитель духа, не забывающий о плоти, еще как не забывающий!.. Потому у него такой лютый прогресс, обогнал в развитии и духовных ангелов, и плотских демонов!.. Так что, Мишка, не стесняйся, пей из всех стаканов, а оружие хватай любое, пусть даже рукоять в говне!.. Главное – победа. Все равно после любой победы приходится мыться, победа все спишет и все оправдает.

Глава 3

Михаил морщился, Азазель говорит слишком откровенно, шокирующе. Мог бы и помягче, о некоторых вещах не говорят вслух, просто подразумевается, а вот так в лоб не принято, манеры, комильфо, да и вообще Господь наверняка подразумевал, что человек будет использовать свою звериную суть как

скамеечку для своей души, а не наоборот…

– Азазель, – прервал он, – тебе все шуточки, а дело серьезное. Что делать с теми сокровищами из тайника?.. Я даже боюсь узнавать, что они могут. Но эта квартира не самое безопасное место!

– В Брий нести не передумал? – спросил Азазель.

Михаил помрачнел, поморщился.

– Как?..

– Ну… не знаю. Была же такая мысль?

– Была, – признался Михаил. – Там я доверил бы разве что Метатрону, первому после Всевышнего, однако…

– Ну-ну?

– Я не смогу туда попасть, – сказал Михаил с досадой, – не оставив это тело!.. А оставлять рано, пока не покарали еще и Зарана. Тогда да, можно… Это, как говорят здесь, первое.

– А второе?

Михаил прямо взглянул ему в лицо.

– Брий – мир духовной энергии, если ты еще помнишь. Здесь можем быть как в виде бестелесных, так и воплощаться в тела, но по возвращении в Брий тела должны оставлять, потому что там ничего материального быть не…

Азазель прервал:

– Не занудствуй. Наконец-то до тебя дошло. Мой совет, используй свою мощь, чтобы спрятать здесь, на земле. Сейчас все главное творится, создается и свершается на земле.

– Как?

Азазель пожал плечами.

– Например, перенесись на самую недоступную вершину где-нить в Гималаях… Нет, лучше в Антарктиду!.. И не просто оставить на льду или подо льдом, как ты можешь по чистоте души, что у людей называется иначе… в общем, под ледниками тоже горы. Пророй дыру в камне поглыбже, как Шамир какой, спрячь и заделай вход.

Михаил взглянул с благодарностью.

– Азазель, у тебя на все есть решение!

Азазель рассматривал его с интересом.

– Неужели в самом деле не жаждешь посмотреть, что же мы перехватили под носом у Зарана?

Михаил ответил после паузы чуточку упавшим голосом:

– Очень жажду…

– Так в чем дело?.. Что тебе мешает?

Михаил тяжело вздохнул.

– А вот что-то мешает. Тот, кто дерзостно проник в сад Всевышнего, совершил преступление! Второе преступление он сделал, когда нарезал веток с Древа Жизни и Древа Знания…

Азазель уточнил:

– Это одно древо, как ты помнишь, только с двумя стволами. И один сок бродил по обоим, так что Древо Знания подпитывается соками жизни, а Древо Жизни принимает соки знания… Но это так, мой педантизм, люблю точные термины, а

какая точность в теологии?.. Извини, что перебил, продолжай нести прекрасную чушь.

– Тебе все чушь, – сказал Михаил тоскливо, – насмотрелся всякого, а мне все в новинку.

– Признался, – сказал Азазель с удовлетворением. – А то рыло воротил и щеки надувал! Аристократ духа!.. Ладно, два преступления назвал, но ты к ним каким боком?.. Ты же не резал из Древа ветки на костер или на корм своим козам!.. У тебя нет коз? Рекомендую завести!

– Да, – согласился Михаил, – я не резал ветки, но разве воспользоваться украденным не грех?

Азазель предложил хладнокровно:

– А если рассматривать как военную добычу?.. Среди людей даже мародерство приветствуется! Просто называют награбленное военными трофеями, это звучит красиво и почетно.

– А это… честно?

Азазель вытянул шею и повертел головой, словно ему давит незримый галстук.

– Зануда ты, – сказал он сердито. – Хорошо хоть статный красавец, а то бы с тобой ни одна женщина не пошла!.. Честно или не честно – это смотря с какой точки зрения смотреть.

– А с какой нужно смотреть, чтобы честно?

– С нашей, – заявил Азазель твердо. – Это наше все, наша сила, правда и оружие. С нашей даже грабители могил, на что уж презреннейшее занятие, красиво называются археологами, а остатки их добычи, что не сумели продать на рынках, выставляются на всеобщее хвастовство в музеях!..

Михаил вздохнул еще горше.

– Наверное, ты прав… Но что-то во мне, макроновское, наверное, сопротивляется. Говорит, что это нехорошо. Кезим вор, а я украл у вора! Разве я не вор?

– Ты герой, – сказал Азазель с пафосом. – Ты достоин награды! Можешь выбрать ее сам. И вообще… забыл, как в самцовом хвастовстве бросил колечко Аграт?.. А ты хоть знаешь, какая в нем мощь? А она есть, иначе кто бы его сунул в тайник вселенской секретности!

– Не знаю, – признался Михаил, – пока что я не готов. Может быть, как-нибудь позже, когда перестану быть чистоплюем, как ты говоришь, а стану такой же бесчестной свиньей, как вот ты.

Азазель сказал оскорбленно:

– Ты уж определись с терминами!.. То козел, то свинья, еще павлином обзови!.. Не хочешь, не надо. Мужай в борении, кто против?.. Получай больше пинков и затрещин, чем мог бы… С другой стороны, негативный опыт – тоже опыт… Покажешь, где спрячешь?

Михаил посмотрел на него исподлобья.

– Надеешься, не покажу?.. Нет уж, будешь делить это бремя. Покажу и заставлю запомнить! Вместе будем прятать.

Азазель покрутил головой, в голосе прозвучало изумление:

– Вот как заговорил… Взрослеешь, Мишка… Тяжко, да? Что делать, быть взрослым тяжко.

Он хотел было встать, но поленился, протянул руку в сторону дальнего стола с гаджетами. Там поднялся и плавно перелетел ему на растопыренную пятерню планшет, что тут же сам раскрылся и заблистал цветной заставкой.

Азазель быстро поводил пальцем по экрану.

– Вот смотри!.. Вид со спутника. Карта Антарктиды… Пожалуй, самое затерянное место там – массив Винсон в горах Элсуот, и практически недоступное. Можно прыгнуть вот сюда… да не на пик, нам как раз лучше поглыбже, поглыбже… Вот тут, под ледниками, довольно близко коренные породы, сплошь гранит… Можно отыскать каверну, а еще проще сделать самим точно по размеру…

– Тебе виднее, – сказал Михаил. Он нервно покосился на запертую дверь чуланчика, где под нижнюю полку плотно засунут рюкзак с сокровищами из тайника князей ада. – Поскорее бы его в надежное место.

– Не трусь, – заверил Азазель бодро. – Кроме нас, сюда никто не вхож, а куда спрячем… так вообще! Ты же осторожный и занудный, а это значит, все будет под семью запорами.

Михаил с недоумением смотрел, как он повел руками, а у дальней стены распахнулись дверцы шкафа. Вывалилась груда одежды белого цвета, но, не успев коснуться пола, взвилась в воздух и, пролетев через комнату, упала к ногам Михаила.

– Что за? – спросил Михаил.

Азазель сказал с покровительственной ноткой:

– Маскхалаты. Для скрытого передвижения в зимних условиях. А если учесть, что в Антарктиде как бы и летом зима, да еще такая, что зимее не бывает, то самое то. Кроме того, светоотражающие и недоступные для наблюдения. Даже если кто-то случайно и будет смотреть именно на тот участок, да еще под большим увеличением, все равно нас не заметит и не узрит.

– Даже шевеления?

Он отмахнулся.

– Ну, мало ли там пингвинов… Ты точно за него сойдешь. Такой представительный! Императорский. А то и сам император заснеженного континента, грозного и таинственного. Если готов, одевайся. Чего тянуть, ты же пообедал?..

Михаил молча встал, Азазель помог ему влезть в комбинезон, затянул ремни, заставив руки завернуть за спину, и вдел их в широкие лямки рюкзака.

– Тебе идет, – сообщил он. – Ты такой красивый! Как Папанин и Кренкель. А любая ноша украшает, как сказал Ваалам своему скаковому жеребцу.

Михаил буркнул:

– Точно доберемся? Я в своих силах не уверен…

– Я подмогну, – пообещал Азазель. – И скорректирую. Уздечку бы… Ладно, обойдемся, а то еще хлыст и шпоры понадобятся… На счет «три», понял? Всю мощь!.. Один, два, три!

Глава 4

Михаил сомкнул кулаки и, задействовав всю мощь, как и велел Азазель, ринулся в заданную точку, абсолютно уверенный, что Азазель держит хотя бы за пояс, не давая умчаться мимо.

С размаху влетел в слепяще-белый морозный мир, Азазель уже ожидает, вид таков, что по крайней мере суток двое торчит в нетерпеливом ожидании.

Под ногами сухо треснуло, ледяная глыба с жутким хрустом раскололась на две половины.

Азазель покачал головой, изо рта вырвалось облачко пара, моментально застыло и красиво осыпалось крохотными кристалликами льда.

– Даешь, – сказал он с аристократическим неудовольствием. – Контролируй себя.

– Но у меня же получилось, – возразил Михаил. – Что ты за гад, похвалить не можешь?

– Это просто неприлично, – заметил Азазель и наморщил нос, – появляться с таким шумом и… повреждениями дикой природы, которую надо защищать, а не бить по голове, как младших братьев.

– Да кого я бью?

– Лед, – ответил Азазель. – Сейчас все защищают от человека и его гения. Может быть, лед живой, ученые еще не определились.

Михаил пристыженно перескочил трещину на его сторону. От сверкающего снега и кристаллического льда слепит глаза, он усиленно промаргивался, щурился так, что между веками оставалась узкая щель. Ледяной воздух некоторое время студил кожу, потом перестал замечаться как нещадный блеск, так и холод, он поспешил за Азазелем, прыгая с глыбы льда на другую глыбу и опускаясь в ледяное ущелье ниже и ниже.

Высокие стены искрящегося по верху льда давно заслонили солнце, под ноги пала плотная голубая тень, а когда спустились ниже, вообще стала темно-синей и тревожной.

В самом низу Михаил увидел серую плиту камня, отполированную до зеркального блеска, словно скользящий по ней ледник старался не оставлять царапин.

– Лед и камень не дружат, – заметил Азазель. – Видишь, камень не поддержал возмущение ледника и даже не треснул. Попробуешь проделать дыру сам?

– Лучше ты, – сказал Михаил без уверенности. – Я пока еще не совсем…

Азазель сказал саркастически:

– А где еще упражняться, как не посреди Антарктиды?.. Архангел, жги!

– Ну и шуточки у тебя, – сказал Михаил. – Ладно, дай только сосредоточусь.

– Сосредотачивайся, – согласился Азазель, – но на будущее научись делать это пошибчее. А то противник так и даст тебе время на размышление и

сосредоточение! Куда ни плюнь, везде йоги…

Камень никак не реагировал на все усилия Михаила, да и сам он чувствовал себя как-то глуповато, наконец озлился на себя, ударил кулаком по камню.

– Я все равно тебя заставлю!

Камень сухо треснул, по нему пробежала длинная трещина и ушла под стену льда.

Азазель вздохнул.

– Не совсем то, но хотя бы какое-то проявление… А теперь попробуй прожечь дыру!.. Достаточно широкую, чтобы пролез рюкзак. Ну?

– Попробую, – буркнул Михаил. – Только это трудно.

– Святоша, – сказал Азазель с презрением. – Неужели в детстве ничего не жег?.. Ах да, у тебя же не было детства! Несчастный ребенок. Сразу таким создали, абсолютно правильного и занудного.

Михаил ощутил, что снова злится, Азазель дразнит нарочито, но злость в самом деле начала распалять в нем нечто, что накалило грудь, горячей волной прокатилось по рукам и вырвалось прямо из ладони оранжевым огнем.

Камень зашипел, взметнулись искры, отчетливо запахло горелой землей.

– Давай, криворукий, – закричал Азазель подбадривающе, – газуй! Была – не была!.. Сильнее. А то так сто лет будешь… Нужно не нагревать, а плавить…

Камень, словно услышал, в самом деле под ладонью просел, словно мокрая глина. Образовалась воронка с багровыми краями, а снизу, как из подземного гейзера, выплеснулись ярко-красные струи.

Михаил ощутил азарт, сконцентрировался на этом странном ощущении злобного торжества. Дыра стала быстро шириться, струи огня пошли выплескиваться чаще и сильнее.

– Слабовато, – крикнул Азазель с разочарованием, – я думал, в тебе силенок больше!.. Ничего, недельку тут посидишь, проплавим на полметра. Нам хватит…

Михаил погрузил кисть руки в кипящую магму, совершенно не ощущая жара, а только приятное тепло, дальше некоторое сопротивление, но и там камень не плотнее мягкой глины.

Комбинезон от кисти и до локтя вспыхнул багровым огнем, Азазель уже молча наблюдал, как он опустил руку в кипящее месиво по локоть, ткань комбинезона превратилась в черный пепел до плеча, но Михаил, не обращая внимания, засунул руку как можно глубже в красное месиво из расплавленного камня.

– Хватит, – сказал Азазель серьезно. – Ты молодец, Мишка. И не трусишь, и действуешь. Сейчас просто убери ту грязь, чтоб не позастывала там снова. Похоже, пещерка получается?

Михаил ответил усталым голосом:

– Вроде бы… Что-то меня тряхнуло…

– С непривычки, – сказал Азазель сочувствующе. – Ты пользуешься силой Кезима, а в этом деле нужен навык… Еще малость, еще… черпай обеими ладонями…

Михаил, засунув руки в дыру по самые плечи, зачерпывал красную массу и сбрасывал в сторону, где она моментально застывала, превращаясь в камень, а когда внутри каменной плиты образовалась пещерка, выгладил внутри стенки, расширяя пространство.

Азазель дождался, когда он закончит и отступит, бросил в пещерку пару кусков льда.

Из отверстия с шипением ударило струей влажного горячего пара. Азазель сказал довольно:

– Почти баня… Правда, я никогда не понимал этого странного обычая. Что-то в нем ритуальное… Погоди минуту, пусть еще и высохнет. Надо так, чтобы все наше щасте не сгорело. Все-таки дерево, даже если особенное… Ничего не

чувствуешь?

Михаил пожал плечами.

– Здесь адский холод?

– Холод, – согласился Азазель. – А рюкзак вот так и засунешь, не раскрывая? Даже не посмотрев, что в нем?

– Да, – ответил Михаил твердо.

Азазель с интересом взглянул ему в лицо.

– А я загляну. Чтобы знать, что сперли. А пока эти штуки будут здесь, постараюсь узнать, чем опасны.

Михаил промолчал, Азазель быстро раскрыл рюкзак и, ничего не трогая в нем, внимательно рассмотрел набросанные в беспорядке вещи.

– Чаша, – произнес он медленно, – поднос, два жезла, браслет из дерева, какие-то наконечники для стрел и копий, но из дерева… Еще что-то непонятное, или это только заготовки? Ну да, вот вообще неоформленные куски… То ли не придумали, что делать, то ли не успели, пришлось прятать… Все, забирай!

Он задернул «молнии», все так же стараясь ничего не коснуться внутри рюкзака, поднялся на ноги.

Михаил молча взял сумку, Азазель с некоторым беспокойством наблюдал, как он осторожно запихивает через узковатое отверстие вовнутрь рукотворной каверны.

– Вот, – проговорил Михаил почему-то шепотом, – поместилось.

– И ничего не сломал, – заметил Азазель привычно нагловатым тоном. – Замечательно. Отступи, прятать я тоже умею. Так прячу, что потом сам не нахожу. Гм… Знаешь, здравая мысль пришла… Не оставить ли тебя здесь на некоторое время? Подумаешь, годик-другой, как мыслитель, в гордом

одиночестве от суетной толпы!.. Поупражняешься в духовных практиках. Зато ничего не подожжешь!.. Хотя снег тоже можно, это же вода, чего ты не знаешь, но понадобится высокая температура, которая тебе пока не подвластна.

Михаил поинтересовался:

– А когда будет?

– Внутриядерные силы? – уточнил Азазель. – Думаю, к счастью, никогда. Работай пока на молекулярном.

– Нет, – сказал Михаил сердито. – Не нужны мне духовные практики. Вообще не знаю, что это.

– И знать не надо, – подтвердил Азазель. – Ты же военный, не какой-то свихнутый… Та-а-к, там остыло?.. Теперь давай я, нужно все ювелирно, а ты же хоть и ювелир, но неандертальской выучки…

Михаил с завистью следил, как он с легкостью отслоил кусок камня, размером со щит римского легионера, накрыл им дыру, подвигал ладонями. Растопыренные края камня опустились и расплылись, как воск на жарком солнце.

Азазель повозил пальцами, приглаживая, через несколько мгновений Михаил уже сам не сказал бы, где заканчивается основная глыба, а где начинается эта крышка из камня.

– Вот и все, – сказал Азазель. – Можно снежком забросать.

– Я могу сюда хоть весь ледник обрушить, – вызвался Михаил. – Если не самый крупный, конечно.

– А как доставать будем? – спросил Азазель. Посмотрел на его лицо, ухмыльнулся. – Люблю я тебя, Мишка. Всерьез веришь, что впереди только щасте и коммунизм и никогда доставать эти вещи не придется?.. Я бы тоже так хотел. Но на всякий случай оставим меточку…

Он швырнул на камень рукавицу с правой руки, угодив как раз в то самое место, где закрыл камнем дыру в плите.

Михаил напрягся, Азазель сказал успокаивающе:

– Не боись, чипа в ней нет. Только я сам и могу определить место. А теперь еще и ты. Можешь запомнить еще и визуально. Ну, как пчела, что хоть и дура, но как-то находит дорогу в улей? Попробовала бы не найти… Теперь выбираемся отсюда.

Еще не договорив, он исчез из расщелины, тут же сверху донесся его крик:

– Давай сюда!

Михаил сосредоточился, после трех неудачных попыток сумел перенестись наверх, к Азазелю.

Тот хмыкнул, сказал саркастически:

– Ты всегда был черепахом, а на морозе так вообще… Давай сбрось туда парочку глыб, но не слишком больших. А то потом упаримся, доставая, на этом холоде легко простудиться. Я же нежный, как все творческие личности, ослабленные алкоголем и прочими излишествами быта разносторонних и духовно богатых.

Михаил молча, сам невольно любуясь своей новой мощью, забросил в щель несколько глыб, слушая, как там внизу разбиваются на сотни мельчайших осколков и надежно укрывают сокровище.

– Если место забудешь, – сказал Азазель, – а ты забудешь точно, метка приведет тебя точно сюда… Ладно, готов к прыжку?

– А если не готов, понесешь под мышкой?

– Под потной и вонючей, – заверил Азазель. – Специально для тебя задействую в том месте потовые железы.

– Не дождешься, – сказал Михаил. – В твоей квартире точно никого?

– Можешь посмотреть с камер по смартфону, – предложил Азазель. – В любом случае в чуланчике задвижка открывается только изнутри. Посмотри, там пусто.

Михаил кивнул, еще с минуту настраивался, наконец ощутил нарастание в себе той непонятной силы, что перебрасывает в мгновение ока через пространство, не вызывая всплеска, сказал быстро:

– Ухожу…

Почти моментально подошвы ударили в твердый пол чуланчика, трясущейся рукой нащупал засов, отодвинул и торопливо выскочил, но все равно сзади раздался сварливый голос:

– Черепах ты, черепах… А если срочное десантирование? С любых высот в любое место!.. Никто, кроме нас! Там, где мы, там победа!.. Кто, если не мы?.. Пройдем везде!.. Впереди у нас цветет, за нами все горит!

Михаил с трудом сбросил прямо на пол остатки обгоревшего маскхалата, рухнул в кресло.

– Я в самом деле выжат, как лимон… а ты как огурчик! Это нехорошо.

Азазель вышел следом, уже в джинсах и Т-майке, ухмыльнулся.

– Я хлопец жадный, – сообщил он. – Куркулистый!.. Зря не трачу. Той энергии, что ты вбухал на дырку в камешке, можно было тоннель прожечь под Гималаями на ту сторону для двух веток железнодорожного состава. Потому ты выжат почище лимона в лапе капиталиста. Выпей кофе, поешь… или сперва поешь, потом кофе, но обязательно присосись к клипоте! Надо сразу же набираться силенок, понял? На всякий случай. Жизнь у нас такая веселая. Либо веселимся мы, либо… над нами. Восстановись по полной. Чувствую, на любую мелочь будешь расходовать, как миллиардер на блошином рынке. А на серьезное дело может не хватить.

– Учусь, – пообещал Михаил, – но пока не умею.

– Сири, – воскликнул Азазель. – А где обед?

– На шампурах, – прозвучал тоненький голосок. – Можно вытаскивать. Сагиб, вы сами ручками-ручками или мне платформу все-таки закажете?

– Ладно, – сказал Азазель, – сдаюсь. Куплю тебе платформу с вагиной, тьфу, манипуляторами. Завтра же закажу. А то я у тебя как мальчик на кухне, где ты шеф-повар, а я принеси-подай.

Глава 5

Михаил наблюдал, как он ловко перекладывает из духовки на широкое блюдо посреди стола металлические шампуры с нанизанными на них кусками мяса, проложенными широкими срезами лука. Запах пошел по кухне такой мощный, что Михаил едва не ухватил ближайший к нему шампур с мясом, но напомнил себе, что это в нем говорит полуживотный Кезим, а вот Макрон терпеливо ждет, соблюдает хорошие манеры.

– Спасибо, – произнес он, когда тарелка опустела, положил вилку и нож указанным в правилах хорошего тона образом, добавил учтиво: – Все было очень вкусно. А теперь, Азазель…

– Только не так церемонно, – запротестовал Азазель, – а то снова чувствую себя за столом у Людовика Двенадцатого… Еще по чашке кофе, а потом давай свои серьезности!

– Так кофе для того и существует, – напомнил Михаил, – чтобы, потягивая по глотку, обсуждать важные и неважные дела.

– Надеюсь, у тебя неважное? А то голос какой-то…

– Азазель, – сказал Михаил, – чего ты ждешь? Что вот-вот придут от Зарана? Еще лучше подготовленные?

Азазель поморщился, снял две чашки с подноса кофейной машины.

– Пей, успокойся. Кофе успокаивает. Да, бывает такое… Ты просто еще не готов. Давай научись не страшиться клипот, черпай силу из антисфирот не по капле, как сейчас уже умеешь, а хотя бы как сам Кезим, хотя ты мог бы и больше… а еще научись держаться в этом теле. Ты не заметил, что в Антарктиду все-таки я тебя тащил?..

– Заметил, – ответил Михаил нехотя и с нахлынувшим чувством стыда, – но время не ждет.

– Давай так, – сказал Азазель. – Мне нужно еще хотя бы сутки на некоторую подготовку. Всякие мелочи, в которые ты, как князь Неба, высокомерно вникать не возжелаешь. А тебе эти сутки понадобятся, чтобы вжиться в себя – раз, научиться передвигаться с любых высот в любое место или с любого места в любую высоту или низину – два, а третье, самое важное, освойся с антисфиротами. Это может спасти тебя. И, главное, меня, что куда важнее.

Михаил сказал со вздохом:

– Да, конечно…

– Кезим, – напомнил Азазель, – как все Жрецы, черпал энергию от антисфирот…

– А если от них, – уточнил Михаил, – то он элементаль Зла, как говорят здесь люди, хотя в этом странном мире понятия добра и зла, к огромному сожалению, очень размыты.

Азазель сказал с иронией:

– Хоть ты не упрощай, как делают люди. Это у них четкое разделение на своих и не просто чужих, а именно врагов! Уже забыто, что у Всевышнего нет противников, а все демоны у него точно так же на службе, как и ангелы, только демонам вверены карательные функции, но если смотреть под таким углом, то полиция, гаишники, всякие охранные системы тоже всякие там враги!

– Ну, – буркнул Михаил, – тюремных работников я за врагов не считаю.

– Да и остальных нельзя под одну гребенку, – сказал Азазель. – Вот Маитбаэль, чистейший демон, но постоянно помогает людям избавляться от преследования и козней чертей! Он же нередко открывает людям их будущее. Хотя обычно при этом привирает… Или Астарот, который тоже помогает людям, указывая на опасности, которые их подстерегают, и подсказывает, как можно обойти… А про Ашмодея сам помнишь…

Михаил возразил:

– А Кезим? А Заран?.. А Леонард, Андреальфус?

Азазель ответил независимым тоном:

– Это говорит о том, что среди демонов настоящее разнообразие и подлинный спектр мнений и вкусов, как и положено при подлинной и всесторонне развитой демократии! А вот все ангелы, увы, под одну гребенку. Одинаковые, как гвозди при тоталитаризме. То, что Кезим мог черпать энергию от антисфирот, вовсе не значит, что ты черпать от них не должен!..

Михаил поморщился.

– Ладно, уже понял. Вот готовлюсь…

– А что готовиться? – спросил Азазель. – Ты можешь дотянуться и отсюда. Но если хочешь, подъедем ближе.

– Нет, – сказал Михаил с опаской, – вдруг там вовсе захлебнусь? Не забывай, это странно и опасно. Для меня.

Он закрыл глаза и начал сосредотачиваться на ощущении, что вот прикасается к черному столбу нечистой мощи, что изливается из клипот, начинает ее поглощать…

Долгое время ничего не происходило, он даже засомневался, что получится, рассердился на себя, уже начал было свыкаться с мыслью, что станет сильнее, а раздражение приоткрыло что-то в нем самом, тело как будто начало наливаться расплавленным свинцом, невыносимый жар едва не сжег внутренности, но

защитные силы включились, хоть и с запозданием, жар исчез, оставив приятное тепло, исчезла и тяжесть, но недоброе ощущение силы и мощи начало разрастаться и кружить голову.

Он сел в кресло, стараясь не прервать тонкую нить, соединившую с антисфиротой, вбирал и вбирал эту мощь, которую Азазель называет просто мощью, хотя светлая мощь идет от сфирот, а темная от антисфирот…

Когда Азазель появился в комнате, Михаил полулежал в кресле, сомкнув веки, однако Азазель сразу сказал с порога:

– Ого! Пузо не лопнет?.. Ты напузырился, как паук…

Михаил распахнул глаза, Азазель замер, белки глаз Михаила абсолютно черные, но когда мигнул, чернота за пару мгновений ушла.

Он перевел дыхание, Михаил почти держит свои силы под контролем, хотя иногда выглядит страшновато, словно в самом деле ангел ада, силы элементаля то и дело напоминают о своем присутствии.

– И комнат ты, гад, – сказал вдруг Михаил, – в гостинице вблизи Сигора вполне мог снять на одну больше!

Азазель дернулся.

– Ты чего?

– Да все твои хитрости из головы не идут, – ответил Михаил зло. – Ты нарочито поселил меня в отдельную, чтобы Аграт осталась без номера и как бы вынужденно должна была прийти либо в вашу с Бианакитом, либо в мою!

Азазель отмахнулся.

– Да брось копаться в прошлом, зануда ты!.. Думай о дне насущном и хлебе… тоже насущном. Не расслабляйся, без нас хватает расслабляетелей. Мы должны за себя и за тех парней. Я пойду перекушу, а ты не теряй времени!.. Ты –

элементаль, помни. Освой все, чем владел Кезим. Пусть не в полной мере, но все-таки… Все, я пошел питаться!

После его ухода Михаил, расположившись в кресле, требовательно протянул руку к журнальному столику. Чашка нехотя сдвинулась, рывком взлетела и метнулась ему прямо в лицо.

Он увернулся и успел перехватить в воздухе, довольный, что исхитрился и сумел, и злой, что собирал бы осколки, если бы ударила в лоб.

– Сосредоточься, – сказал он себе вслух. – Пока Азазель не видит…

После часа изнурительных тренировок чашка послушно взлетала и опускалась на подставленную ладонь. Он вздохнул с облегчением, хотя все тело ноет, словно перетаскал гору валунов, а в теле жар и опустошающая слабость.

Азазель сидит на кухне перед широкоформатным дисплеем на столе, на экране сменяются чертежи и строчки с формулами, справа от руки широкое блюдце с печеньем и пустая чашка из-под кофе.

Михаил грузно опустился рядом в кресло, которое скрипнуло, реагируя на тяжелое тело.

По взмаху руки Азазеля чашка наполнилась темным горячим кофе, сама предупредительно придвинулась так, что он только слегка растопырил пальцы, и она прижалась к его ладони.

Михаил подождал, но Азазель начал пить и причмокивать, тогда сосредоточился сам и осторожно наполнил другую чашку таким же ароматным горячим.

Очень медленно она соскользнула с поддона кофейного аппарата и поплыла по воздуху в сторону уже требовательно протянутой им ладони.

Азазель кашлянул, чашка дрогнула и, словно соскользнув с незримой столешницы, упала на пол. Осколки разлетелись по всей громадной кухне, а коричневая лужа расплескалась от стены до стены, словно пролил наполненное до краев ведро.

Азазель сказал злорадно:

– Ворона!.. Кар-р!.. Во все воронье горло…

– Ты нарочно, – сказал Михаил обвиняюще.

– Да? – изумился Азазель. – Ну, не знаю… Не помню… А если нечаянно кашляну или кто-то хрюкнет в разгар боя?

Михаил молча нагнулся, Азазель в недоумении смотрел, как тот протянул руку к ближайшему осколку.

– Ты… чего?

– Но… убрать…

Он дотянулся до осколка чашки, но Азазель перехватил его за кисть.

– С ума сошел? – сказал он высокомерно. – Ты что, совсем ленивый?.. Ну что за молодежь пошла… Только бы на диване лежать! А ну-ка давай поэлементальствуй…

Михаил буркнул:

– Это будет дольше… еще и тряпку надо побольше.

– А кто сказал, – изумился Азазель, – по одному? Сделай вот так.

Он не шевельнул ни пальцем, ни бровью, однако осколки разлетевшейся по всей кухне чашки поползли к центру. Из-под дивана выскользнул залетевший туда обломок ручки, догнал остальных, и с пола поднялась абсолютно целая чашка.

Михаил не успел ахнуть, коричневые брызги кофе сбежались в одну лужицу, та вздулась, поднялась большой блестящей каплей, повисла в нерешительности над чашкой.

Азазель ухмыльнулся, небрежно шевельнул кончиком пальца. Капля взлетела выше, метнулась к раковине, слышно было, как там булькнуло.

Азазель крикнул весело:

– Сири, еще две чашки кофе!

Михаил сказал с сердцем:

– Ты же сам можешь?

– Собирать за тобой осколки?

– Вот так сделать и кофе?

– Могу, – согласился Азазель, – а что тогда останется женщинам? Да и вообще, я говорил, магией нужно пореже. Только когда без нее совсем ни в дугу.

– Понял, – буркнул Михаил. – Буду отрабатывать.

– У тебя пойдет легко, – заверил Азазель. – Не забывай, ты элементаль. Но никто этого знать не должен. Особенно женщины!

– А почему таиться от женщин?

– Они все предательницы, – сообщил Азазель таинственным шепотом. – Не знал? Скоро все узнаешь, все, вот тогда у них попляшешь на коротком поводке.

Михаил угрюмо помалкивал, Азазель взял две чашки и вышел на балкон, где яркий свет от множества мелких лампочек в стене, а дальше черная таинственная ночь с редким звездами.

Полюбовавшись и сделав глоток, он повернулся в сторону комнаты и с таинственным видом поманил к себе. Когда Михаил, насторожившись в ожидании каверзы, подошел ближе, Азазель вручил ему чашку с кофе и указал на небоскреб, вздымающийся к небу через два квартала.

– Видишь? Начни с малого.

– Разрушить до основания? – спросил Михаил мрачно. – Или до половины?

Азазель дернулся.

– С ума сошел?

Михаил буркнул:

– Ага, а как меня достаешь дурацкими шуточками?..

– Чего?.. – протянул Азазель ошарашенно. – Так это ты шутишь?.. Какие-то не те свойства в тебе пробуждаются. Лучше не пробуй, шуточки у тебя будто из старой могилы злого вурдалака… Я имею в виду, сигани туда, на крышу. И близко, и цель видишь отчетливо, там сигнальные огни для отпугивания вертолетов, не промахнешься. Но достаточно темно по углам, а выход на крышу заперт, никого не спугнешь.

– Все учел? – спросил Михаил. – Да, расчетливый гад, на интуицию не ссылайся.

– Ты не увиливай…

– Хорошо, – ответил Михаил, – попытаюсь прямо сейчас, если не против…

– Для того и вытащил на свежий воздух, – заверил Азазель. Он деликатно взял из его ладони чашку с кофе. – Не волнуйся, не расплещу. Тебе рано перемещаться даже с пустой.

Михаил пробормотал:

– Понял, понял… Просто жадничаешь. Твой же кофе трачу.

Азазель отступил в сторону великолепного летнего стола, блистающего подозрительной чистотой, и дюжины легких изящных кресел, со вкусом разместился в ближайшем.

– Вернешься, допьешь. Я подожду.

Михаил сосредоточился, держа взглядом крышу небоскреба и стараясь понять, как именно будет ломиться через пространство в материальном теле.

Одно дело сгустком чистого света, другое – словно огромный тяжелый валун, что о воздух может раскалиться за доли секунды и сгореть, рассыпавшись на мелкие камешки.

Правда, Азазель умело прокалывает пространство или как-то сдвигает вплотную друг к другу начало пути и точку выхода, но это не только огромная мощь, но и виртуозность, чего ему пока что недостает. Недаром Азазель наметил цель попроще и поближе, но и эта крыша небоскреба выглядит невероятно далекой, совсем недавно на перемещение из одной комнаты в другую чуть ли не всего себя сжег и почти ползал, как гусеница.

– Давай, – прошептал он зло, – давай!.. Или этот наглый гад и дальше будет носить тебя, как тряпку?.. Давай, ты должен и обязан уметь… ты в самом деле тряпка…

Прыжка не получалось, он тужился, напрягался, задерживал дыхание и нагнетал давление, как паук-скакунец, что заметил добычу, но оставался на месте, устал, взмок, готов был отказаться…

Как вдруг нечто сдвинулось перед глазами, ноги все так же упираются в пол, только стены исчезли, а вокруг простор и бескрайнее темное небо с множеством звезд да легкий ночной ветерок.

Страшась шелохнуться, он повел глазами из стороны в сторону. Все верно, он на крыше небоскреба, а вон там, за два квартала южнее, светятся окна квартиры Азазеля. Особенно ярко на балконе, с которого он только что переместился так неожиданно для себя. Даже Азазеля видно, развалился в кресле, барин, наслаждается жизнью.

Медленно сел, скрестив ноги, делая вид, что выбрался на крышу, чтобы полюбоваться звездами, это на случай, если кто не спит, а смотрит именно сюда в бинокль.

В голове рой мыслей, а сердце продолжает сильными толчками нагнетать кровь, словно ждет от него скачков по крышам домов всего квартала.

Отдохнув, сделал усилие вернуться, нужно закрепить умение, пока еще свежо это восхитительное ощущение прыжка, однако остался на месте, хотя вроде бы умеет…

«Слабак», – мелькнуло горькое понимание. Выложил все силы всего лишь на прыжок на крышу дома в своем же районе! Для Азазеля ничего не стоит прыгать по всему миру, даже его прихватит с собой и не ощутит помехи, а он вот уже все истратил.

Пошарил по карманам, где же мобильник, Азазель появится и заберет обратно, но пусто как в нагрудном, где носит эту пластинку, так и в остальных.

Как же не везет, когда вот так в самый ответственный момент что-то случается. Можно, правда, встать и махать руками, но там теперь пусто, Азазель уже в комнате, он всегда находит себе более интересное занятие, чем сидеть и тупо ждать.

Глава 6

– Ты почему не отвечал? – заорал он, выскакивая из чуланчика. – Ты почему…

Над спинкой кресла на колесиках видна только запрокинутая голова Азазеля, Михаил подбежал, чувствуя стремительно нарастающую тревогу, рывком развернул кресло к себе лицом.

Азазель вздрогнул, торопливо сорвал с головы широкую металлическую дугу с массивными наушниками, делавшими его похожим на шимпанзе с их оттопыренными ушами.

– Михаил?.. Привет, – сказал он торопливо. – Ты уже?.. Как там, не холодно на крыше?.. Не продуло?

Михаил в бессилии отступил на шаг в сторону и рухнул в свободное кресло. Азазель, не поднимаясь, с сочувствием всмотрелся в его измученное лицо.

– Ты что-то похудел, дружище, – произнес он заботливо. – Ничего, щас поедим… Прости, я твой кофе выпил тоже. Ты как-то подзадержался зачем-то… Баб на крыше встретил?.. Как они?.. Толстые и мягкие?

Михаил проговорил, едва ворочая языком:

– Ты почему не отвечал?.. Я чуть с ума не сошел.

– Извини, – ответил Азазель виновато. – Это чертовы наушники все глушат совсем бессовестно. Нет, я не отключал мобильник, но в самом деле, если ты звонил, мог не услышать.

Михаил прислушался, острый слух уловил тягучую мелодию, полную божественного очарования.

– Ты что такое слушал?.. На тебя не похоже.

– Это Бах, – ответил Азазель. – Органика… не в биологическом смысле, конечно. А ты чего такой… расстроенный? Получилось же?..

Михаил помолчал, чувствуя, как начинает успокаиваться бешено стучащее сердце, а жар во всем теле спадает.

– Ладно, – сказал он с сердцем, – сделаю вид, что поверю. Хотя, думаю, ты все нарочито, чтобы я впал в панику. Тогда в самом деле соображаю и действую шибче. Почему так?

– У всех людей так, – ответил Азазель. – Сири, наш друг Миша проголодался просто жуть! Где обещанные полбарана?

– На ночь есть вредно, – сообщила Сири. – Ладно-ладно, только не бейте, дяденька!.. Сейчас, правда, уже полночь, но через две минуты жаркое будет на столе. Если сумеете вытащить, у меня пока что нет манипуляторов…

– Намек понял, – ответил Азазель, – прям щас заказываю! Красивые, с бантиками… Михаил, трудности были?

– А то ты не знаешь! – обвинил Михаил, – но, думаю, уже нащупал, как проламываться с места на место. Хотя и тяжело. Вряд ли получится так же легко, как у тебя.

– Дело не в легкости, – уточнил Азазель, – а в сохранении сил. Ты же переносишь с места на место всего лишь себя, а не Монблан!.. Я видел, как сминаешь пространство, будто прешь на себе целый материк. Изящнее надо! Ты же не извозчик, ты почти артист.

Михаил дернулся.

– Как я понял, здесь лучше быть извозчиком, чем артистом!..

– Хуже артистов только шоумены, – пояснил Азазель. – Вот из-за них Господь может стереть весь род людской, раз здесь такое терпят… Как прошло? Ты вроде бы подзадержался. Медитировал на крыше? Как не стыдно…

Михаил покачал головой.

– Признайся, и мобильник мой спер?..

– Я? Проверь карманы.

Михаил проверять не стал, Азазеля на таком не прищучишь, признался с неохотой:

– Все истратил на дорогу туда.

– Для начала терпимо. А там?

– Еле-еле сумел присосаться к антисфироте.

– Почему еле-еле?

– Все что-то да мешало. Иначе остался бы на крыше навечно, ты же и пальцем бы не пошевелил!

– Ничего, – утешил Азазель. – Умение приходит со временем. Вот так попрыгаешь туда-сюда где-то с миллион раз, пойдет чуточку быстрее. Правда, есть и другие способы, но ты же солдат, тебе нужны пути попроще, чтоб голову не утруждать. Ты ею ешь, а лбом двери вышибаешь, а иногда и стены проламываешь.

Михаил смолчал, Азазель подмигнул и отправился на кухню, где распахнул дверцы гриля и начал вытаскивать прожаренные ломти мяса. Михаилу положил на широкую тарелку бараний бок, сказал небрежно:

– Извини, что без гречневой каши.

– А она обязательна?

– Собакевич предпочитал с нею, – пояснил Азазель, – а вы чем-то похожи. Основательностью, как мне кажется. Масло в масленке, а соль в солонке, не перепутай. Сири еще не научилась держать соль в баночке из-под кофе, на которой написано «Сахар»…

– А когда научится?

– Тогда пройдет и тест Тюринга, – сообщил Азазель.

Михаил ел торопливо, чувствуя, как в тело вливаются силы. И хотя это еще не та мощь, что приходит от клипот, но сразу ощутил, что жизнь, как нагло заявляет Азазель, вообще-то ничего, если не слишком придираться.

– Теперь в ад? – спросил он.

Азазель взглянул исподлобья.

– Михаил… Ты хоть представляешь, что там? Или прет от своей силы? Таких, как Кезим, больше, чем здесь воробьев!.. Упаси боже встретиться с Вельзевулом, Велиалом или любым другим из князей ада!.. Они все черпают мощь из клипот изначально!

– А что теперь будем?

Азазель вздохнул.

– Я сегодня занят кое-чем неотложным, а ты пока поупражняйся. Что для тебя сейчас самое важное? Верно, скорость. Ты сейчас старая, больная черепаха на лютом морозе. Пока сообразишь, как удрать, убьют сто раз…

– Я не собираюсь удирать, – начал Михаил с оскорбленным достоинством, но Азазель перебил:

– А если ко мне примчаться на помощь?

Михаил сказал с недоверием:

– Ну да, так и поверю. Как-то без меня обходился шесть тысяч лет?

– Играл по маленькой, – ответил Азазель серьезно. – Но пришло время тяжелой артиллерии. Это ты у нас тяжелая, хотя пока что никакая. Потому учись двигаться быстрее, черпать из антисфирот пусть по капле, но хоть по большой капле!.. А то много пользы от тяжелой артиллерии, если она без снарядов! И на гужевой тяге… Вечером вернусь, поговорим, хорошо?.. А пока развлекайся, хлопче!.. Только пожар не устрой. Мне тут все дорого, как память. Я здесь уже три месяца как живу.

– Как насчет поездки по городу? – спросил Михаил.

Азазель взглянул испытующе.

– Уверен?

– Я все схватываю быстро, – напомнил Михаил.

Азазель пожал плечами.

– Ладно, я же еще в прошлый раз дал допуск. Права и все бумаги в бардачке. Но помни самое главное: никто и никогда не должен видеть, что ты можешь что-то еще.

– Да запомнил, – сказал Михаил с досадой. – Главное, чтобы Сири меня обратно в дом пустила.

Азазель ухмыльнулся.

– Да, ты уже хорошо вжился в роль простого человека. Забыл, что можешь прыгать в чуланчик? Но чтоб никто не видел!

Азазель не солгал: автомобиль хоть и не стал распахивать перед ним дверь, но не противился, когда Михаил потянул за ручку, что значит допуск второго уровня, зато когда заглянул в бардачок, обнаружил водительские права и прочие необходимые в этом мире документы, еще пару шоколадок, несколько бумажных купюр на тот случай, если где-то придется расплачиваться наличными.

Аккумуляторы заправлены на все сто, автомобиль мигнул огоньками, сообщая, что системы в порядке, готов к выезду, ждет команду.

– Тогда выезжаем, – пробормотал Михаил. – Если я в этом мире, то надо его знать, как стратиг поле будущей битвы. А она грядет…

Он опустил руки на баранку руля, подошвы ног почти привычно нащупали педали. Азазель верно сказал, что хотя он дурак в этом мире, но учится быстро, а дурак, что учится, уже не совсем дурак.

А еще чувствуется, Азазель не зря его вытолкал на прогулку, хотя вроде бы не выталкивал, а лишь уступил, но это все по-азазелевски, то ли в самом деле уверен, что новичку из мира Брия нужно привыкнуть к множеству двуногих, то ли сам что-то задумал в его отсутствие, но пока не говорит и, возможно, никогда не скажет.

Автомобиль послушно вынырнул из подземного гаража, Михаил к баранке не притрагивался, автомобиль знает родной двор и ревностно оберегает свои машинные права, но когда вырулил на магистраль, послушно передал ему управление.

Высотные дома расступились, слева треть неба закрывает черная стена антисфироты, клипот тоже выглядит слишком близко, хотя это обман зрения, скорлупы клипот накрывают мир, а не только эту планету.

Он подумал, что люди инстинктивно чувствуют, что их мир накрыт защитной сферой, хотя для их зрения клипоты недоступны. Потому во всех странах и культурах есть это странное представление о некоем небесном своде, что накрывает мир.

И у всех это нечто создано самим Богом, людям недоступное, но не враждебное, а как бы защищающее мир от чего-то ужасного для людей извне, как оно и есть на самом деле.

Он косо взглянул на темную стену антисфироты, что тянется от клипоты через вселенную. По спине пробежала дрожь неприятия, но мелькнула успокаивающая мысль, что эта скорлупа вокруг мира на самом деле необходима. Как в физическом плане, иначе мир исчезнет, растворится, так и в психологическом: все люди прятались сперва в утробе матери, потом под одеялом от монстров, а затем под защитой стен и крыш от непогоды и враждебного мира.

И уютно полагать, что весь мир тоже укрыт толстой скорлупой защиты. Азазель уверяет, что люди проклюнутся через нее сами, когда достигнут сингулярности, и уже уверенно выйдут в мир чистой энергии, когда материальный останется в далеком прошлом, как дикое и неразумное детство, а пока да, нужно жить под этим зонтиком…

Взгляд зацепился за идущую впереди по тротуару женщину, показалось, что-то знакомое, но уже проехал мимо, некоторое время двигался по инерции, но при первой же возможности развернулся и погнал в обратную сторону.

Женщина остановилась перед переходом, светофор для пешеходов горит запрещающим. Михаил резко подал автомобиль вправо, прижимая к бордюру.

На него никто не повел глазом, неотрывно следят за красным светом, Михаил выскочил, вскрикнул:

– Галина!

Она оглянулась, женщина с милым добрым лицом, глаза расширились в радостном испуге.

– Макрон?

Он ухватил ее за руку.

– Садись, подвезу!

Ошеломленная, она не сопротивлялась, он усадил ее на правое сиденье, обежал автомобиль и плюхнулся за баранку руля.

Вспыхнул желтый свет, но удалось успеть проскочить на него, пусть даже на грани нарушения, но не нарушил же, Галина смотрит на него изумленными глазами, а он вел автомобиль по направлению к центру и прислушивался к стучащей в голове тревожной мысли, что Азазель точно не одобрил бы подобные неожиданные встречи.

Но, с другой стороны, никакой подставы быть не может, о которых предостерегал Азазель, он сам выбирал маршрут, еще не зная, по какой дороге поедет, а Галина здесь уже шла.

– Как ты? – спросил он.

Она ответила мягко:

– Да все так же…

– Замужем?

– Почти… Когда Денис где-то погиб, я некоторое время была одна, а потом…

– Кто-то постоянный?

Она кивнула.

– Можно сказать и так. Заходит частенько Василий, он живет в соседнем доме. Приносит немного денег…

Он спросил, не поворачивая головы:

– А под глазом у тебя что?

Она спросила с неловкостью:

– Видно, да? Я так старательно запудривала…

– Это он тебя?

Она сказала торопливо:

– Утром спросонья о дверь ударилась.

Он буркнул мрачно:

– Я могу отличить кровоподтек от двери, а здесь отпечатался кулак с выступающей косточкой среднего пальца.

Она сказала тихо:

– Он бывает иногда очень вспыльчивым. Особенно, когда пьяный.

Он помолчал, чувствуя, как в нем начинает просыпаться темная ярость, сказал глухим голосом:

– Не могу представить, чтобы ты, такая покорная и тихая овечка, могла кого-то обидеть или раздразнить.

Она прошептала:

– Так получилось…

Он свернул к ближайшему кафе у дороги.

– Посидим, – сказал он. – Съедим по мороженому, которые ты так всегда любила.

Она сказала с неловкостью:

– Я тебя не задерживаю?

– Нет, – ответил он. – У меня вся вечность впереди. Этот Василий… он где-то работает или ворует?

Она ответила боязливо:

– Что ты, он бригадир на соседней стройке.

Он усадил ее за стол, сел напротив, всматриваясь в ее простое милое лицо. Она ответила робкой улыбкой.

– Наверное, – буркнул он, – и строитель тоже хреновый… Девушка, нам мороженое по две двойные порции. Шоколадное. Насколько я помню, у вас оно лучшее в городе! Ваше фирменное?

Официантка гордо подбоченилась.

– Мы сами рецепт составили!

Когда она удалилась, Галина мягко улыбнулась.

– Ты всегда любил это мороженое. Забыл?

– А ты все помнишь?

– Еще бы, – ответила она с той же милой женственной улыбкой. – Ты у нас с Денисом всегда был героем. Он постоянно рассказывал о тебе… Зря он ушел потом в группу Циркуля.

– У меня как раз было затишье, – напомнил он. – А он жаждал действий… Но их там, как я потом слышал, бросили в настоящую мясорубку…

Девушка в белом кокетливом фартушке и в кружевном чепчике поставила перед ними по вазочке с шариками шоколадного мороженого, Михаил кивнул, спросил у Галины:

– Чем-то могу помочь?.. Все-таки Денис одно время был в моем отряде. Хорошим бойцом был и верным соратником.

Она покачала головой.

– Что ты, все хорошо…

– Хорошо?

– Нормально, – уточнила она, – как у всех. А раз не хуже, то кто я, чтоб у меня было лучше?

Он со щемом в сердце смотрел на ее милое доброе лицо, в грустные глаза, в которых нет даже надежды на более радостное будущее, а только терпение и терпение.

– У всех должно быть лучше, – ответил он.

Она слабо улыбнулась.

– Я пойду… Дома дел столько, что даже не знаю.

Глава 7

Он довез ее до подъезда, а затем пустил автомобиль мимо ее длиннющего дома, названного «Китайской стеной», дальше на месте снесенной хрущевки вырыли котлован, дно уже залито бетоном, оттуда торчит густой лес металлической арматуры.

Строители работают в привычном темпе, то есть один что-то вяло ковыряет лопатой, а семеро стоят, опершись на свои лопаты, чтобы не упасть, и сонно наблюдают за ним. Бетоновозы неспешно сливают из длинных хоботов серую массу на дно котлована, утолщая бетонную подушку, все идет с галактической неспешностью.

Михаил поинтересовался у одного наблюдателя:

– А где бригадир Василий?

Тот скосил на него глаза, не потрудившись повернуть голову.

– Чего?

– Ваш бригадир, – сказал Михаил раздельно. – Василий!.. Который из них он?

Рабочий скривил рот.

– А что ему здесь делать?.. Пошел в бытовку. Сидит в холодке, пьет…

– Вон там?

– Нет, то для управленцев. Другая, на сваях.

Михаил отыскал бытовку, толкнул дверь. В дальнем конце деревянный стол из струганых досок, два топчана со смятыми одеялами. На левом расположился грузный мужик, очень крупный и красномордый, на столе бутылка и остатки хлеба с сыром, в руке граненый стакан.

Он как раз отнял край ото рта, довольно крякнул. На вошедшего Михаила скосил глаза, но ничего не сказал, только с наслаждением выдохнул и потянулся за

корочкой хлеба.

– Василий? – спросил Михаил.

Мужик взглянул на него с неохотой.

– Я. Пришел наниматься?.. Пока бомжей хватает.

– Я похож на бомжа? – спросил Михаил. Он подошел ближе, чувствуя, как в нем закипает гнев. – Я похож на человека, который будет под тобой работать?

Мужик насторожился.

– Тогда чего пришел?

Михаил процедил:

– Я дальний родственник Галины, к которой ты захаживаешь. И хочу предупредить тебя, мразь, что если хоть раз коснешься ее даже пальцем…

Бригадир неспешно вылез из-за стола, выпрямился, оказался на полголовы выше Михаила и килограммов на сорок тяжелее.

– Ну-ну, – проревел он насмешливо, – продолжай, хлопчик…

Михаил молча ударил его в живот. Мужик охнул, и хотя Михаил старался не повредить ничего важного, но тот закатил глаза, побледнел и сполз по стене на пол.

Прислушиваясь к звукам снаружи, Михаил выхватил пистолет и, нагнувшись, с силой вбил ствол дураку в рот, с хрустом ломая передние зубы.

– Слушай меня, сволочь, – прошипел он страшным голосом. – Я наемник, убивал таких десятками. И сейчас мой палец на курке. Осталось чуть-чуть нажать… Ты дернись, дернись! Нажмется сам.

Мужик застыл в ужасе, кровь с разбитых губ и десен течет в рот и уже залила рубашку на груди, но даже не решился скосить туда глаза, не сводя взгляда с ужасного лица незнакомца.

– Все понял? – спросил Михаил.

Василий что-то промычал, Михаил убрал пистолет в кобуру сзади под край рубашки, отступил.

– Учти, мы появляемся и уходим незаметно. С любых высот в любое место!..

Он сам ощутил, голос звучит грозно и обрекающе, как у человека, которому все равно кого зарезать, барана или человека.

Василий глухо стонал, закрывая широкой ладонью разбитый в кровь рот. Михаил чувствовал его испуганный взгляд, пока шел к выходу из бытовки, а снаружи сделал беспечный вид и по длинной дуге вышел к своему автомобилю.

Злость некоторое время бурлила так отчетливо, что если бы и пытался доказывать себе, что он не человек, но она бы возразила: человек, никуда ты не денешься от человека в тебе, это человек толкает тебя на все твои поступки…

Медленно успокаиваясь, он уловил, что перед глазами все чаще появляется лицо Синильды, наконец ощутил, что его воля тает, как тонкий снежок под жаркими лучами солнца, сказал в нетерпении:

– Синильда!

На экране навигатора поверх карты города возникло ее фото, прозвенел далекий звонок, через пару мгновений прозвучал теплый нежный голос:

– Михаил?

Ее фото ожило, сердце Михаила ликующе подпрыгнуло, когда Синильда всмотрелась в него с любовью и нежностью, это он отчетливо рассмотрел в ее взгляде, и хотя женщины все и всегда брешут, как уверяет Азазель, но не может же Синильда ему врать, и он сказал счастливо:

– Как ты?

– Все в порядке, – ответила она тем беспечным голосом, что так нравится мужчинам, все предпочитают женщин без проблем и заморочек, – а ты?

– Еду по Варшавке, – ответил он. – Если найдешь время и желание – можешь располагать мною.

Она сказала счастливо:

– У меня для тебя всегда есть время и всегда есть желание. Поезжай прямо, через два квартала сверни налево. Я выйду к перекрестку.

Он все сделал, как она велела, а когда увидел, как она далеко впереди подходит к бровке тротуара, ощутил, как в трепетном ликовании застучало сердце, а в груди разлилось сладостное тепло.

Выскочить и распахнуть перед ней дверь не успел, как видел в старых фильмах, она сама быстро открыла дверцу и села рядом, чистенькая и веселая, взглянула смеющимися глазами.

– Привет! Вижу по тебе, победа за победой?

– Это потому, – объяснил он неуклюже, – что тебя увидел.

– Ты меня сразу победил, – сообщила она хитрым голосом, – как только тогда взглянул серьезными и такими строгими глазами, как у ребенка…

Она выудила из сумочки крохотный смартфон, торопливо поводила кончиком пальца по экрану и спрятала снова. Михаил смотрел прямо перед собой на бегущую под колеса дорогу, пешеходы при виде автомобиля обязательно должны перебежать, как куры, на другую сторону дороги, а когда подъехали к ее дому, оставил автомашину на стоянке перед домом, а Синильда ухватила его под руку и счастливо потащила в подъезд.

Когда она торопливо отворила дверь своей квартиры, он с порога озадаченно потянул носом.

– Чем у тебя так вкусно пахнет?

Она весело расхохоталась.

– Не духами, не бойся. Настоящей домашней выпечкой. Я люблю готовить! Это так увлекательно, когда знакомишься с кухнями разных народов, новыми рецептами… Ванная комната – вторая дверь по коридору, а оттуда сразу на кухню!

Михаил покорно отправился в туалетную комнату, уже запомнил, что мыть руки мужчинам вовсе необязательно, а вот опорожнить мочевой пузырь не мешает, пусть ничего потом не отвлекает, посмотрел там на себя в большое идеально чистое зеркало. Вполне хорош по стандартам земной красоты: сильное, волевое лицо, крупное и мужественное, прямой взгляд, правильные черты…

Со стороны кухни ароматные запахи пролезают даже в щель под дверью, а когда он вышел на кухню, Синильда уже открыла дверцу духовки и вытаскивает оттуда нечто сложное, пахнущее жареным мясом и разными специями.

Он охнул, она взглянула на него смеющимися глазами.

– Готов?

– Еще как, – ответил он. – Хотя только что и не думал… Знаешь, даже не знал, что я такой жрун!.. Когда ты успела?

Она отмахнулась.

– Я человек занятой, у меня все автоматизировано. Когда ехали, я велела кухне приготовить кое-что из того, что я сама придумала. Садись. Тарелка устроит или дать побольше?

– Устроит, устроит, – заверил он.

– Если не устроит, – сказала она весело, – просто повторим. Держи!..

Она перегрузила ему на блюдо блестящую коричневую тушку упитанной птицы, явно домашней, выглядит слишком нежной. Михаил ощутил, как от смачного запаха дернулся в ожидании желудок.

– Никогда так много не ел, – сказал он с неловкостью, – как в… последнее время.

– А где еще отъедаться и отсыпаться, – спросила она, – как не дома?.. В экспедициях не до кулинарных изысков. Погоди, возьми еще и вот эти ломтики…

Он ел и чувствовал, как остатки напряжения уходят, но вместе с сытостью пришло ощущение грузности своего человеческого тела, огромного и мускулистого, наполненного теплой кровью, что разносит кислород даже в самые дальние уголки тела.

Она взглянула с женским пониманием, голос прозвучал ласково и с глубоким сочувствием:

– Устал… Пойдем, отдохнешь.

Он пробормотал с неловкостью:

– Наверное, не помешало бы…

И хотя мужчина при женщине выказывать слабость не должен, но он, повинуясь странному чувству, дал уложить себя не на диван, как ожидал, а на широкое прекрасное ложе.

Синильда легла рядом и, приподнявшись на локте, смотрела с глубоким сочувствием.

– Ты не просто устал… на тебе тяжелый груз решений…

– Каких? – спросил он.

Она грустно улыбнулась.

– Откуда знать мне? А вот ты что-то решаешь очень важное, чувствую. И тебя это очень сильно беспокоит. Но, наверное, зря. Ты очень правильный человек… И какое бы решение ни принял, оно будет верным. Потому что ты такой.

– Спасибо, – пробормотал он.

Она наклонилась к нему, он ощутил на щеке прикосновение ее нежных теплых губ.

– Это тебе спасибо…

– За что?

Она загадочно и несколько печально улыбнулась.

– Есть за что… Но сейчас отдохни, пусть на твоем лбу разгладятся эти морщинки. Битвы еще не все отгремели, мой герой. Ты должен набраться сил.

Глава 8

Когда он вышел из чуланчика, Азазель на диване расположился в позе ковбоя, забросив ноги на низкий журнальный столик, хотя непонятно, почему столик так называется и что такое вообще журналы.

Услышав, как Михаил вошел в гостиную, оживился, приветственно помахал рукой.

– Садись, рассказывай, как прошел твой первый сексуальный опыт… Ох, я имею в виду, как прокатился в обновленном виде? Ничего не трет?.. Воротничок не давит?

– И брюки не жмут, – ответил Михаил недовольно.

Он прошел мимо на кухню, слышал, как Азазель поднялся и двинулся, потягиваясь и похрустывая суставами, следом.

– Это которые штаны? – уточнил он. – Прекрасно!.. Главное, чтобы Кезим в тебе не просыпался. Машину не разбил?

– Нет.

– А не поцарапал?..

– Нет.

– Почему? – спросил он встревоженно. – Что случилось?.. Ладно-ладно, садись, перекусим. Я специально тебя дожидался. Хотя, конечно, поел, как без этого, но то просто еда, а сейчас у нас ритуальная.

Михаил пробормотал:

– Да вроде бы никакой кезимности. А что, разве сам, без Кезима, не могу… рассердиться?

Он опустился за стол, а духовка-гриль моментально мигнула огоньками, там вспыхнул свет, высвечивая сладостную картинку медленно поворачивающейся на вертеле тушки крупной птицы.

Азазель сел напротив, рассматривая его строго и оценивающе.

– Рассердиться, – повторил он, – разгневаться, разъяриться… Это все разное, Мишка. Даже по физиологии. В гневе морда становится красная, как круто сваренный рак, а в ярости бледнеешь, как смерть, так что давай рассказывай, на кого гневался?.. Я смотрел с балкона, нигде ничего не горит, дома не повалились, молнии в высотные дома не бьют…

Михаил буркнул недовольно:

– Я был тише мышки. Все нормально. Ты не хитри, о чем-то умалчиваешь! Понимаю, почему перенес нас в безлюдное место близ Сигора, а не прямо к месту. Но так же можно и куда-то в ад? Разве что через портал?..

Азазель тяжело вздохнул, а в голосе прозвучала тоскливая безнадега, словно разговаривает с последним идиотом:

– Михаил…

– Что не так?

Азазель вздохнул снова, Михаил увидел в его черных глазах упрек.

– Еще не понял, что для этого нужно знать ад очень хорошо? А если там, где в мое последнее посещение была выжженная земля, сейчас вполне себе город?..

– Что, даже так?

– Представь себе, – заверил Азазель. – Ад постоянно застраивается и расширяется. Демоны, повторяю, многому научились у людей. Хотя, конечно, отстают на тысячу лет. Где-то, правда, уже только на пятьсот.

Прозвучал милый голосок Сири:

– Властелин вселенной, мой повелитель!.. Еще десять секунд, и гусь начнет пережариваться!

– Выключай, – велел Азазель. – Могла бы и сама, так нужно обязательно влезть в разговор белых сагибов?

Огни в духовке погасли, но Сири напомнила ехидно:

– Остальное ручками-ручками! Про манипуляторы я уже столько наслушалась…

– Сегодня закажу, – пообещал Азазель.

Михаил понаблюдал, как он, откинув дверцу, вытаскивает в облаке ароматного пара блистающую соком тушку гуся.

– Но есть же места, – спросил он осторожно, – куда точно никто не полезет? Как те безжизненные скалы у Сигора? И вообще не виляй насчет того, что в ад нельзя через портал! А как Аграт оттуда пролезала прямо к тебе в квартиру?

Азазель нахмурился, молча вытащил вертел с тяжелым гусем, с металлическим скрипом стащил с длинного штыря на центральное блюдо посреди стола.

Михаил ждал, наконец Азазель ответил с неохотой:

– Это сложный случай… Настройка должна быть, знаешь, какая? А еще этот канал создавался и отлаживался почти сотню лет. Во-первых, чтоб ты знал, преисподняя защищена от подобных… проникновений. Во-вторых, важные зоны защищены втройне. Аграт пролезала в щель, потому что с этой стороны ее создавал я, а она там служила маячком. В очень-очень уединенном месте, до которого из-за его ненадобности и удаленности недотянули защиту.

Он взял в одну руку огромную двузубую вилку, в другую – широкий острый нож, взглянул на Михаила испытывающе.

– А от того уединенного места, – поинтересовался Михаил, – до Зарана, что, добраться никак?

Азазель некоторое время резал тушку гуся на части молча, потом сказал с сердцем:

– Михаил… ты понимаешь, что там будем на чужой территории? На территории врага? Или ты совсем берега потерял?.. Головокружение от успехов, как сказал Иосиф Виссарионович?.. Давай ешь, это улучшает кровокружение и вообще кровотворение с кровотворчеством.

Михаил поморщился.

– Но мы же не войной придем?

– Этого еще не хватало!

– Кто нас отличит от местных? – поинтересовался Михаил. – Как я понял, в аду таких демонов, как мы с виду, большинство. К тому же… чем земля не ад?

Азазель хмуро взглянул, как он начал есть сосредоточенно, но без привычного азарта.

– Это так, – согласился он. – Это так… но все же надо располагать полной диспозицией, где, что и как. Там помощи не дождаться, а если придется удирать или хотя бы отступать, то неизвестно куда, понимаешь?.. А я, хоть и творческая натура, но импровизировать не люблю, это признак дилетанта! У профи все экспромты заготовлены заранее и отрепетированы до блеска и умопомрачения… Ты ешь, ешь, а то если сейчас аппетит теряешь, то что ждет в аду?

– Пойдем с Аграт и Бианакитом?

Азазель быстро догрыз гусиную лапку, швырнул обглоданную косточку в тарелку.

– Нет.

– Кого не берем?

Азазель пожал плечами.

– Бианакита нельзя, а вот Аграт… правда, она тебя, как говоришь, достала? Тогда и ее не берем.

Михаил сказал сердито:

– Из-за меня? Это нечестно. Если она хочет…

– Мишка, – сказал Азазель покровительственно, – ты самовлюбленный эгоист. Почему мир должен вертеться вокруг тебя?.. Ей просто нельзя обратно. Помнишь, дала клятву полного послушания? Теперь там для нее уже не родной дом. Я не хочу рисковать девочкой. Все-таки теперь она слабее тебя.

Михаил сказал пристыженно:

– Понял. А ты вообще-то не полная свинья. О союзниках хоть как-то по-своему, по-демонячьи, но заботишься.

Азазель не был бы Азазелем, если бы сразу все не испортил, процитировав с напыщенным видом:

– Быть вождем лишь тот один достоин, кому и честь, и жизнь вручает слепо воин. И хотя из меня вождь, как из говна гвоздь, но другие, как видишь, меня ценят!

Михаил посмотрел с подозрением.

– И все же, ты когда снял в гостинице близ Сигора две комнаты… почему не поселил Аграт отдельно?

– Ты человек, – напомнил Азазель. – Потому отдельно ты.

– Но я самец, – возразил Михаил. – Думаю, нарочито поселил меня в отдельную, чтобы Аграт как бы вынужденно должна была прийти либо в вашу с Бианакитом, либо в мою!

Азазель вздохнул.

– Вот так стараешься, стараешься, а где спасибо?

– Ничего не было, – заверил Михаил. – Но спали плохо оба. И ты виноват!

– А Чернышевский ломал голову, – сказал Азазель, – кто виноват и как обустроить ад…

– Он жил в аду?

– Либералы так называли Россию, – уточнил Азазель. – Сири, гусь твой какой-то мелкий, у нас воробьи и то крупнее! Пироги готовы?

– Две минуты, – сообщила Сири деловито. – Можно даже полторы. Если готовы есть непрожаренные.

– Еще полминуты стерпим, – сообщил Азазель. Он потянулся, зевнул, сказал бодрым голосом: – Солдату надлежит быть здорову, храбру, тверду, решиму, правдиву, благочестиву. У тебя как насчет благочестия, Мишка?

– Побольше, – буркнул Михаил, – чем у тебя. Благочестие, чтоб ты знал, тоже оружие!

– Ты воин, – согласился Азазель, – у тебя все оружие! Микроскопом тоже можно захренячить по голове еще как… Кстати, с мечом пробовал?

– Ты же знаешь…

– Имеешь в виду схватку с Кезимом?.. Там ты сплоховал, но… в целом, повезло. Такой случай выпадает раз в жизни, теперь никаких ошибок!..

Михаил сказал тревожно:

– Теперь, когда я получил все, чем владел Кезим… смогу ли?

– Сказать трудно, – согласился Азазель. – У тебя был меч из белого пламени, если еще помнишь счастливое детство, у меня – из багровой ярости. Но теперь, думаю, у тебя, такой нелепой химеры, никакого не будет.

– Не пугай, – попросил Михаил.

– А ты пробуй, – предложил Азазель. – Не жди, когда придет время спускаться в ад. Меч может понадобиться куда раньше!

– Не пугай, – попросил Михаил. – Меня уже трясет.

Азазель взглядом велел ему встать и выйти на середину комнаты.

– Пока пироги готовятся, – добавил он, – попробуй.

Михаил в центре комнаты раздвинул ноги на ширину плеч, руки над головой, изготовил ладони для хватки. Азазель наблюдал молча, не шевелясь и не отвлекая.

Михаил закрыл глаза, сосредотачиваясь, вздохнул несколько раз. Азазель чуть наклонил голову, дескать, не тяни, уже можно, Михаил еще раз вздохнул и, стиснув челюсти, напрягся так, словно поднимает гору.

Между поднятыми высоко над головой ладонями заблистала холодная синяя молния. Азазель вздрогнул, молния стала шире и объемнее, а в ней проступил длинный черный меч с такой же угольно-черной рукоятью.

Молния исчезла, Михаил медленно опустил руки с мечом, посмотрел испуганно и тревожно. Меч абсолютно черный, тяжелый, но мощь явно не в тяжести, он отчетливо чувствовал, как через рукоять сила переливается в лезвие, а оттуда идет обратно в тело.

Азазель охнул, вытянул шею, рассматривая во все глаза, но не рискнул подняться из кресла.

– Это же… Это Меч Абсолютного Хаоса!

Михаил сказал с дрожью в голосе:

– Что за… О нем что-то известно?

В черных глазах Азазеля возник лихорадочный блеск, а голос упал до шепота:

– Ты с ним поосторожнее… О таких мечах ничего не известно! А название придумал прямо сейчас.

– Но раз он есть…

Азазель сказал тем же потрясенным голосом:

– В том то и дело, Михаил… Никто и никогда не слыхивал ни о чем подобном!.. У архангелов мечи из божественного света Первого Дня Творения, у демонов багровые Мечи Ярости и Нечистого Гнева. А на этот даже смотреть страшно.

Михаил постарался подавить страх во всем теле, но плечи передернулись сами собой.

– Но что это значит?.. Я сам стал черным, как Зло?

– Не знаю, – ответил Азазель, и Михаил чуть ли не впервые ощутил, что тот отвечает предельно честно. – Я не знал, что такие существуют!.. Или вообще могут быть… Возможно, этот был создан только для тебя? Или создан тобой самим?.. У меня голова кругом. Ты что-то особое чувствуешь?

Михаил проговорил не своим голосом:

– Только то, что этот меч… даже не знаю… откуда!..

Он все еще держал на трепещущих руках перед собой этот чудовищный клинок, чувствуя в нем нечто особое, отличающее как от его прежнего архангельского с лезвием из слепящего пламени, так и багрового меча Азазеля.

Глава 9

Лезвие не только абсолютно черное, как грех, но и воздух вокруг него чернеет настолько, что не сразу рассмотришь острую кромку. Рукоять простая, древняя, из того же металла, если это металл, а не квинтэссенция Зла, в ладони приятно холодит, но, как Михаил уже понимал, он, как элементаль, без вреда для себя может держать как раскаленный брусок металла, так и обломок Вековечного Льда.

Азазель сказал тихо:

– Осторожнее с этим мечом, только осторожнее!.. Сам не поранься. Еще неизвестно, что он за. И каков.

– Да вот, – начал было Михаил и запнулся.

Меч исчез из его руки, темная дымка поплыла в воздухе, медленно рассеиваясь.

Азазель взглянул встревоженно.

– Что случилось?

– Не знаю, – ответил Михаил дрогнувшим голосом. – Я ничего не делал…

Азазель сказал чуть живее:

– Он сам?.. Или ты?.. Вспомни, что думал, что хотел?.. Это ни в какие ворота, если у тебя меч будет исчезать в разгар битвы. Или перед ее началом.

– Да вроде бы я не желал, – ответил Михаил, и сам ощутил, что голос звучит жалко. Только-только начал наслаждаться странным и недобрым ощущением мощи. – А может, как ты сказал, он так может сам?

– Вряд ли, – ответил Азазель с сомнением. Он говорил чуть громче и увереннее, когда меч исчез, но Михаил видел, что и он уже хочет, чтобы тот появился снова. – Давай попытайся снова вызвать то чувство, то желание… Как вызывал свой меч Белого Пламени?

Михаил пробормотал:

– То меч архангела…

– Пробуй, – сказал Азазель настойчиво. – Просто пробуй. Вызывай свой привычный меч архангела! А так ты сейчас не архангел… вообще-то архангел, но уже не только он самый, а вообще неизвестно что за гремучая смесь чистой дурости и яростного невежества… В общем, пробуй!.. Что получится, то и твое.

Михаил вздохнул, вскинул руки над головой.

– Не знаю, – проговорил он без уверенности, – теперь уже боюсь…

– Думаешь, один ты?

Михаил вздохнул, закрыл глаза. Вокруг кулаков на этот раз словно бы сгустилось по темному облачку, но ни молнии, ни треска наэлектризованного воздуха.

Выждав немного, Михаил в безнадежном жесте опустил руки.

– Не получается…

– Боишься, – сказал Азазель понимающе.

– Боюсь, – признался Михаил. – Сам я не боюсь, но что-то во мне боится. И думаю, это не Кезим боится, а все-таки я…

– Или Макрон, – сказал Азазель.

Михаил вздохнул.

– Макрон, судя по тому, что о нем теперь знаю, достаточно… противоречив. Но с мечом еще попробую! Только соберусь малость.

– Пироги уже остыли, – напомнил Азазель. – Ладно, подогревать не будем. Мужчины не имеют право на капризы. Хотя, конечно, пироги должны быть теплыми.

– Ладно-ладно, – сказал Михаил, – если уж так стараешься отвлечь меня от моих страхов, скажи, почему поспешил прервать Шокутара, когда он едва не сказал вслух, с кем Кезим прятал под Сигором украденное из рая?

Азазель изумился:

– Я прервал? Михаил, ты стал слишком подозрительным. Так у тебя разовьется паранойя. А это хуже, чем чесотка, уверяю!

– Кезим с кем-то прятал, – повторил Михаил, – и это был не ты, иначе бы Шокутар сказал. Но ты прервал, чтобы не прозвучало имя, которое важно сохранить в тайне от меня?

– Мишка, – сказал Азазель самым доброжелательнейшим тоном, – у тебя мания преследования. То была только мания величия, а теперь еще и преследования. Думаю, мне нужно дождаться появления мании вины, а это будет пренепременнейше, иначе на свете нет справедливости!..

– Не хочешь говорить? – спросил Михаил. – Ладно, подожду, когда сам скажешь. Ты полон тайн, но они в тебе плохо держатся.

– Разве? – спросил Азазель. – Просто я тебе все выдаю по мере твоего взросления. Еще неделю назад ты был на уровне трехлетнего ребенка, а сейчас я бы тебе дал лет семь, а то и восемь… Хотя восемь, пожалуй, это перебор, нельзя же тебе так бессовестно льстить!.. Чего так смотришь? Не в тюрьме лет восемь, а по стремительному интеллектуальному взлету!

Михаил ответить не успел: на столе тихонько звякнул смартфон. Азазель взял трубку, ответил и с удивленным видом протянул смарт Михаилу:

– Это тебя…

Михаил не менее удивленно посмотрел на дисплей, там – жесткое лицо немолодого, очень встревоженного мужчины с колючим взглядом, исхудавшее, с щетинками по наспех выбритому подбородку.

– Макрон, – сказал он торопливо вместо приветствия, – двое из твоего отряда попали в лапы Спрута. Грозит их убить, а бомбу взорвать в городе, если не заплатим десять миллионов долларов в течение сорока восьми часов!

Михаил пробормотал:

– Но… что я могу сделать?.. Давно вышел из того… бизнеса…

Мужчина сказал зло:

– Это твои напарники, что не раз спасали и твою шкуру!.. Мы все перебрали, ничего в голову не лезет. К властям обращаться бесполезно, сам знаешь.

– Может быть, – сказал Михаил, – проще Спруту выдать десять миллионов?

Тот зыркнул на него с экрана быстро и недоверчиво.

– А ты можешь собрать их так быстро?.. Хотя все равно, сам знаешь, деньги возьмут, а заложников убьют.

– А на десять миллионов купят новое оружие, – сказал Михаил. – Ладно, я ничего не обещаю, но… кто на той стороне твой контакт?

– Гаспар, – сказал мужчина быстро. – Ты его знаешь. Но если надумаешь участвовать, мы с тобой.

Михаил покачал головой.

– Успею раньше.

Тот посмотрел на него несколько странно.

– У тебя что, собственный реактивный истребитель?.. Или и там концы? Ладно, не мое дело. Вот координаты Гаспара. И номер мобильного, но позвонить можешь только раз. А мы летим туда ближайшим рейсовым.

Связь прервалась, Михаил со смартфоном в ладони повернулся к молча ожидающему Азазелю.

– Все слышал?

Азазель кивнул.

– Старые друзья Макрона?

– Знаешь, – сказал Михаил, – это звучит странно, но чувствую себя обязанным помочь. Это люди, которые прикрывали мне спину, а я отвечал за них.

– Сейчас уже не отвечаешь, – напомнил Азазель.

– Не отвечаю, – согласился Михаил. – Или все-таки отвечаю?

Азазель поморщился, подвигал кожей на лбу.

– Это ерунда, мелкие разборки между людишками ни на что не влияют… Но понимаю, жизнь вся из ерунды и мелочей. А иная мелочь лично для нас важнее, чем поворот сибирских рек. От удара молотком по пальцу страдаем больше, чем при известии о гибели тысячи человек от волны цунами где-то там.

– Вот и хорошо, – сказал Михаил с облегчением. – Я отлучусь, посмотрю, что смогу.

Азазель посмотрел с интересом, но и с сомнением во взгляде.

– Уверен?

– Не очень, – признался Михаил, – но какое-то странное ощущение. Это потому что я человек, да? Сам понимаю, не мое дело, но как-то вот что-то…

Азазель прервал:

– Не ты отлучишься, а мы. Потом да, сможешь и сам, но не сейчас. Ты еще не пришел в себя после схватки с Кезимом. И не освоился со своими возможностями элементаля. Всякое может… Нет-нет, не пугаю, просто будь настороже. Сейчас и постоянно. Ладно, я соберу снаряжение, что понадобится, а потом посмотрим, что можем сделать и как добраться.

– Азазель…

Азазель отмахнулся.

– Не надо слюнявых благодарностей. Я давно уже человек, забыл?.. Просто посильнее других, но все реалии быта понимаю и принимаю. Дай твой смарт, посмотрю расположение твоего контакта…

Михаил торопливо сунул ему мобильник. Азазель положил рядом планшет, синхронизировал, некоторое время водил пальцем по экрану, наконец сказал с неописуемым удовлетворением:

– Я бы этого Серегу Брина в жопу поцеловал за его гугельмэп!.. Сижу тут и с высоты птичьего полета наблюдаю насчет соплеменных и прочих достопримечательностей. Если позумить, могу рассмотреть даже бегающих там ящериц. И никаких миклухо-маклаев! И Кук бы остался жив… К тому же все в рилтайме!

Михаил вздохнул с облегчением.

– Значит, проблем с перебросом не будет?

– Не думаю, – ответил Азазель. – Вытащим твоих друзей и тут же вернемся.

– Азазель, – сказал Михаил, Азазель повернулся и взглянул в ожидании. – Спасибо.

Азазель отмахнулся.

– Да пустяки. Это не чистая благотворительность, как тебе кажется.

– Фух, – выдохнул Михаил, – а то я уж подумал, не заболел ли ты… А в чем выгода?

– Помогая людям, – пояснил Азазель высокопарно, – вербуем в свои ряды. Кто знает, может, когда-то и как-то используем, если удастся вытащить из плена?

– Все равно спасибо, – повторил Михаил. – Я сам не знаю, зачем за это берусь…

Азазель усмехнулся.

– Я знаю, но это неважно. Неправильная правильность людей ведет зигзагом к результату, которого не получили бы при идеальной правильности. Что, сложно?.. Инстинкт человека ведет к правильности очень окольными тропками. Но, может быть, прямых и нет? Или на прямых такие канавы, что ноги поломаешь, а то и шею?

Михаил внимательно всмотрелся через его плечо в яркую картину, Азазель крутит колесико, и создается ощущение полета над горами. Наконец он раззумил двумя пальцами карту, Михаил рассмотрел внизу за белесыми валунами сидящего мужчину с чем-то в руках. Изображение и так на пределе четкости, но видно, что время от времени подносит руки к лицу тем характерным жестом, когда смотрят в бинокль.

– Высадимся вот там, – сказал Азазель. – Видишь, шагах в тридцати груда высоких камней?

– Не увидит? Это не совсем за его спиной.

– Посмотри, как следит за дорогой? Нас не заметит.

– Ладно, тебе виднее.

Азазель сказал успокаивающе:

– Момент появления ни он не увидит, ни кто-то еще.

– А со спутника?

– Вероятность, что кто-то смотрит на него так же внимательно, как и мы, – сказал Азазель медленно, – ничтожна… К тому же там густая тень… Берем по гранатомету. Вообще-то можешь и без него.

Михаил прервал:

– А ты?

– И я, – ответил Азазель скромно. – Велика вероятность засветки, а ее нужно избегать любой ценой. Потому используешь любое оружие, которым пользуются люди.

– Понятно. А наша неуязвимость…

– Объясняется, – подсказал Азазель, – криворукостью противников, понял?

– Понял, – буркнул Михаил. – А откуда неуязвимость?

– А ее нет, – сообщил Азазель чуточку злорадно. – Потому от пуль и прочего будет очень больно. Но ты же элементаль, раны затянешь быстро… Но не слишком быстро, если их увидели другие. В общем, никто не должен видеть, что ты в чем-то можешь больше. Кроме случаев…

– Ну-ну, каких?

– Когда не оставишь свидетелей, – напомнил Азазель. – Обрадуй в себе Кезима.

Михаил нахмурился.

– Даже не шути так, – сказал он резко. – Я не собираюсь падать и катиться.

– Да мы все не собираемся, – сообщил Азазель. – Оно как-то все само.

– А я вот нет!

– Я не покачусь, сказало яичко, уже катясь с горы, – ответил Азазель, – но ты, уверен, сделаешь невозможное. Ты же не интеллигент, что сраный, сраные всегда найдут оправдание, а ты устоишь! Ибо ты на устоях. И не сойдешь. А то и, вопреки всему, поднимешься на гору! С такой же вероятностью, что и катящееся вниз яичко вскатится само по себе на вершину.

Михаил взглянул на него исподлобья, но придавил злой ответ, что рвется прямо из его сути, хоть и непонятно какой из, ответил сравнительно мирно:

– Но я же не само по себе?

Азазель взглянул с непониманием, потом кивнул и сказал пристыженно:

– Прости. Я всегда рядом.

– Мы появимся не слишком быстро?

Азазель пожал плечами.

– А если на ракетном истребителе выброшены прямо над ним? И приземлились поблизости?

– А как не заметили с парашютами?

– Новые технологии, – заявил Азазель. – Светоотражающая ткань. Почти невидимки. А парашюты самоуничтожились. Одноразовые, в общем. Не забивай голову, никто не будет интересоваться! Сейчас главное – успеть вытащить твоих друзей.

Михаил вдел руки в лямки рюкзака, поправил на спине, Азазель, уже готовый к прыжку, смотрит с ожиданием. Михаил вышел на середину комнаты.

– Двигаемся?

– Ты двигаешься, – уточнил Азазель. – Сам. Координаты у тебя точные. Учись перемещаться, Мишка. Это еще не раз спасет твою шкуру. Учись перемещаться быстро… и вообще всему учись быстро.

Михаил ощутил, как внезапно пересохло во рту, даже язык стал тяжелым и жестким, как кусок пролежавшего под летним солнцем камня.

– Я… я попробую.

– Давай, – подбодрил Азазель. – Ты же на крышу прыгал? Все то же самое! Дистанция чуть длиннее, но с нашей мощью это как среднему человеку

взбежать по лестнице на третий этаж. Главное – видишь конечную точку ясно, и когда ничто не мешает…

– Хорошо, – повторил Михаил. – Я постараюсь…

Глава 10

Азазель наблюдает с ехидной ухмылкой, дескать, хрен у тебя что получится, Михаил ощутил раздражение, тут же тело охватил жар, он успел ощутить толчок изнутри, ускорение, и тут же подошвы с силой уперлись в твердую выжженную землю, а глотка ухватила жаркий воздух пустыни.

Рядом возник Азазель, сказал сразу деловито:

– Когда злишься, все получается быстрее. Но давай учись работать без этой подпитки!

Человек в халате цвета песка охнул, когда Михаил и Азазель быстро спустились к нему по узкой горной тропе.

– Как, – воскликнул он высоким гортанным голосом, – как так быстро?

– Мы такие, – сказал Михаил и добавил: – Привет, Гаспар…

Мужчина рывком обнял его, отстранился и, не выпуская из рук, всмотрелся в его лицо.

– А слухи ходили, – сказал он тревожно и вместе с тем счастливо, – что ты где-то был схвачен…

– Меня много раз пытались, – сказал Михаил. – В заложниках Зельднер и Бадрутдин?.. Больше никого?

– Бадрутдин и Сархан, – ответил Гаспар. – Был еще Фридрих, он откуда-то из Голландии… Есть такая страна?.. Но погиб, когда прикрывал отход группы.

– Он всегда был самоотвержен, – сказал Михаил и поймал быстрый и слегка удивленный взгляд Азазеля, – теперь рассказывай, куда наших увезли, кто схватил, сколько в группе захвата?

– Лучше по дороге, – уточнил Азазель.

– Да, – согласился Михаил, – автомобиль где-то спрятал?

– Их база близко, – ответил Гаспар. – Автомобиль бы заметили издали. Сейчас обойдем вон тот холм, все увидим.

– Хорошо, – сказал Михаил. – Давай введи в курс дела. Какое было задание, чем занимались.

Он сам ощутил, что Макрон от наблюдателя перешел к активной роли, даже голос стал тверже, и Гаспар начал отвечать быстро и послушно, как и было в старые добрые дни. В памяти замелькали яркие моменты, как сражались вместе, как он впервые увидел Гаспара среди захваченных пленных и угадал, что этот забитый деревенский парень будет служить ему верно и преданно, если он сделает то, до чего никто раньше не додумался: потреплет его по плечу и скажет несколько ободряющих слов.

Азазель помалкивал, слушал внимательно. Михаил держится уверенно, даже как-то по-свойски, этого смуглого бедуина помнит, о захваченных говорит со знанием дела, сразу велел показать, куда их увезли.

Как Гаспар и обещал, едва начали огибать холм, на выжженное беспощадным солнцем бескрайнее пространство начало выдвигаться усыпанное белыми камнями приподнятое над равниной место, а на нем бело-серые руины старинной крепости.

– Стоп, – велел Михаил. – Понаблюдаем.

Он присел, вытащил из рюкзака бинокль, но сделал так, чтобы Гаспар заметил гранатомет XM-25 и несколько снарядов.

Азазель опустился рядом, тоже внимательно вглядываясь в руины крепости.

– Крестоносцы? – спросил он.

Гаспар кивнул.

– Да, там была самая грозная крепость франков во всем этом регионе. Но ее еще в старые времена захватили и разрушили другие франки.

– Строили немцы, – заметил Азазель, – судя по остаткам цоколя, а рушили англичане… Да, Гаспар, франки тоже разные и воюют между собой не меньше, чем сарацины.

Гаспар усмехнулся.

– Да, мы же те самые сарацины… С тех времен в каменных руинах гнездились шакалы, потом началась священная война.

– Против кого? – уточнил Азазель.

– Не против, – ответил Гаспар с невеселой иронией, – а за, что вроде бы достойнее. Но это еще кровопролитнее, когда воюют все со всеми.

Михаил кивнул, понимая, что остатки крепости в самом деле хороши во время начала боевых действий. Огромные подземелья, что в старину использовались для запасов продовольствия и где укрывалось гражданское население во время войн, теперь стали прекрасным местом для размещения штаба и руководства боевыми отрядами.

Азазель всматривался с профессиональным интересом в исчезающий холм с торчащими из него скальными породами, из которых в свое время строили крепость. Крупных глыб много, удобно прятаться и вести из-за них огонь, но подобраться по открытой и голой, как ладонь, местности очень непросто.

Понятно, что группы боевиков сменяются, уходят, сливаются с другими, но руины крепости уже даже не выглядят руинами. В границах самой крепости и за ее пределами натянуты шатры и палатки, в сторонке сосредоточились армейские грузовики, даже пара бронетранспортеров возле склада с бочками, из-за их ряда виднеется цистерна с дизельным топливом.

– Сколько в самой крепости человек, – сказал Гаспар вполголоса, – неизвестно. Сейчас там штаб группы Масуда, но к его отряду прибились люди Сулеймана и Джамала…

– Командование единое? – спросил Михаил.

Гаспар ответил шепотом:

– Пока вроде бы нет. Сейчас процесс то ли слияния, то ли размежевания. Там всегда бурлит и клокочет. Демократия восточного образца.

– Справимся, – заверил Михаил. – Даже с демократией.

Азазель взглянул с предостережением, Михаил тут же уточнил:

– Попытаемся.

– А где остальные? – спросил Гаспар с надеждой.

– Мы не будем вступать в широкомасштабный бой, – пояснил Михаил. – Просто выдернем друзей, а Масуд и Сулейман пусть выясняют и дальше отношения. Восток есть Восток, и с мест они не сойдут…

Гаспар посмотрел с непониманием.

– Мы втроем?

Вместо Михаила ответил Азазель:

– Есть пара хитрых трюков, плюс экспериментальное оружие, что еще не пошло в серию, но обещать что-то пока рано. Да и про остальных участников тебе знать тоже рановато.

– Да, – поддержал Михаил, спохватившись, – рано. Но будем стараться.

Гаспар поглядывал то на него, как на командира, то на Азазеля, незнакомца, к которому командир прислушивается с заметным уважением.

– Как будем действовать? – спросил Гаспар.

– По обстановке, – ответил Михаил уклончиво.

Он сказал быстро:

– Я пойду с вами!

– Нет, – сказал Азазель. Тот взглянул сердито, Азазель пояснил: – Так проще. У нас бронежилеты скрытого ношения, из танка пробить можно, однако танков я не вижу. А вот ты весь голый…

– Верно-верно, – подтвердил Михаил. – Жди нас здесь. Мы разберемся.

– Если ребята живы, – заверил Азазель, – мы их вытащим. Макрон всегда Макрон! Мы в него верим. Умом Макрона не понять, аршином общим не измерить…

Пригибаясь, они двинулись в сторону приплюснутого холма с руинами, Михаил спросил шепотом:

– Ты в самом деле прикрыл нас щитом незримости?

– Да, – ответил Азазель так же тихо, – но слишком не надейся. Он укрывает от человеческого зрения, но собаки видят иначе, как и все звери, рыбы и насекомые… Про электронное наблюдение вообще молчу… Кстати, память Макрона, как вижу, проснулась?

– Кое-что всплывает, – шепнул Михаил. – Странно, только сейчас.

Азазель подумал, предположил:

– А это не работа Кезима?

– А он каким боком, – начал Михаил и осекся. – А в самом деле… Кезима я чувствовал всегда… а сейчас он мог разбудить и память Макрона… Даже не знаю…

– Это же прекрасно, – заверил Азазель с оптимизмом. – Знание сила, наше знамя и оружие!.. Больше знаешь – хуже спишь!.. Хуже спишь – больше работаешь!.. Правда, работаешь плохо, но кого это волнует, кроме заказчика?.. Та-а-ак, все умолкаем. Дальше опасная зона.

Он остановился, вслушиваясь и всматриваясь в палатки и мелькающих между ними людей. Почти все с оружием, хотя у большинства за спинами, в лагере по-восточному неспешная расслабленность, уже полдень, жарко, из опасения теплового удара уползают в тень, жизнь до вечера замирает, только четверо часовых на противоположных концах лагеря не спят, но и они особо не усердствуют, здесь территория их племени, клана и боевой группы, никто из чужаков не смеет подойти и близко.

Азазель напомнил шепотом:

– Придется пользоваться всеми ресурсами, если понимаешь, о чем умно так говорю.

– Да что тут не понять, – буркнул Михаил. – Спасибо, капитан Очевидность.

– Тогда пленных не брать, – сказал Азазель еще об одной очевидности, – и живых не оставлять. Женщин и детей здесь нет, так что раззудись, Макрон! Никто не должен видеть, как двоим удалось зачистить всю базу. Точнее, увидеть могут, но рассказать уже не должны.

– Зачистим, – пообещал Михаил. – И все так просто?

Азазель невесело скривил губы.

– К сложным случаям перейдем позже. Сперва обкатаем тебя вот на таких упрощенных моделях.

– С Кезимом тоже было просто?

– По крайней мере, – уточнил Азазель, – прямолинейно… Помни, входим без шума! Не знаю, да и ты сам еще не знаешь, что можешь теперь… потому действуй на минимуме.

– На каком?

– Не дай себя убить, – пояснил Азазель. – Вообще-то здесь я и сам могу без сопливых…

– Но-но!

– Но и тебе можно поучаствовать, – закончил Азазель. – Главное – не оставляй свидетелей. Тайные операции потому и тайные, понял?.. Иначе спецназ всех стран мира уже болтался бы на виселицах!

– Да понял, понял…

– Прикрывать меня не надо, – предупредил Азазель. – Мы не копы, работающие в паре!.. Я тебя тоже не прикрываю, понял?..

– Понял, – повторил Михаил. – Справлюсь.

– Не будь слишком уверен, – напомнил Азазель. – Сейчас ты чуточку… а то и не чуточку опьянен возможностями, но и ты моментально умрешь, получив пулю в лоб. Или в затылок. Разве что в сердце саданут, тогда что-то успеешь, если не разчерепахничаешься…

– Запомнил, – сказал Михаил с сердцем. – Пойдем?

– Нас не видят, – напомнил Азазель, – но могут услыхать или унюхать. К счастью, здесь везде камни, никаких следов на песке для детективов, но все равно не сдвинь и песчинку!.. Народ здесь чуткий. Как вот я почти, хоть и не все из них омархайямы.

Михаил помалкивал, руины башни приближаются, слышен даже говор боевиков, от двух костров поднимаются сизые дымки и сразу рассеиваются в сухом прокаленном воздухе, от одной из палаток тянутся тягучие ароматы жареной баранины.

Пригибаясь, они прошли мимо первого поста, Азазель знаками указал Михаилу на дальнюю дверь, там характерная надстройка, такие ставят над идущими глубоко вниз подвальными складами.

Сам он красивым перекатом оказался на той стороне каменного барьера высотой в половину человеческого роста, а дальше исчез из поля зрения.

Михаил тоже прыгнул, пусть увидит их оставленный далеко Гаспар, а дальше оба окажутся вне поля его зрения. Азазель все учел, даже Михаилу его не видно, двигается с учетом своих возможностей предельно скрытно, пришлось наддать, пронесся вдоль стены, держась глубокой тени, но впереди сухо щелкнул первый выстрел, слишком громкий для натянутых нервов, тут же еще два, а дальше застрочил автомат.

Судя по стрельбе, автомат бьет сверху. Михаил быстро поймал взглядом приподнявшегося над краем разрушенной башни человека и выстрелил дважды. Стрелок выронил оружие, Михаил метнулся в сторону входа в подземелье.

У самой двери два трупа в лужах крови. Выстрелы звучат левее, частые и торопливые, а в ответ только одиночные из пистолета, Азазель торопливо зачищает пространство, чтобы никто не ударил в спину.

Сверху застрочил крупнокалиберный пулемет. Пули с визгом ударили в камень над головой, откалывая крупные куски. Михаил попытался быстро сообразить, как бы поступил Азазель, но сразу ничего в голову не пришло, тогда вытащил из рюкзака уже заряженный гранатомет и, приподнявшись на мгновение, выстрелил.

Ракета вырвалась из трубы с грозным шипением, помчалась, оставляя огненный хвост, Михаил чувствовал, что вот сейчас ухватил ее и сам направляет, надо чуть левее, а теперь зигзаг…

Глава 11

За барьером, где прячется пулеметчик, громыхнуло, во все стороны разлетелись глыбы камня, словно взорвался склад боеприпасов. Мелькнули в воздухе оторванные части тела, что значит, пулеметчик прятался за каменным выступом не один.

Азазель, как он успел заметить, избегает красочных схваток врукопашную, когда долго бьют один другому морды, бросают о стены, наносят зверские удары руками и ногами, применяют удушающие захваты. Просто быстро и точно стреляет, всегда успевая нажать на спуск первым, снова кивнул с самым раздраженным видом Михаилу в сторону двери в подземелье.

– Да понял я, – буркнул Михаил, – понял…

Он выдернул чеку из гранаты, выждал, чуть швырнул по дуге в зияющий зев, откуда выпрыгивают быстрые поджарые боевики и с ходу начинают строчить из автоматов.

Через пару секунд донесся звук глухого взрыва. Михаил бросил еще одну, тут же сам ринулся ко входу. Граната взорвалась за мгновение до того, как он сбежал по лестнице, осколки с визгом ударили в стену всего на расстоянии протянутой руки.

Перепрыгнув через два трупа, он с пистолетами в обеих руках сбежал дальше по длинной лестнице, а там ринулся по широкому низкому коридору со всех ног, поспешно стреляя, стреляя и стреляя.

Внизу, как он понял, весь отряд, а наверху только патрульная группа, и хотя у него семнадцатизарядные «Геко-217», но запасные обоймы понадобятся, еще как понадобятся…

В конце коридора еще дверь, запыленная, грязная, словно тоже с тех же времен, если бы не клеймо Jura, вряд ли это крестоносцы установили ее с бронированными вставками.

Сердце колотится так, что в ушах звон, подбежал и рванул на себя за ручку. Дверь даже не скрипнула, а завизжала, сердце едва не лопнуло от неожиданности.

Из темноты простучала и оборвалась автоматная очередь. Дверь с лязгом захлопнулась за спиной, Михаил с трепещущей душой понесся по ступенькам вниз, из стен торчат запыленные и покрытые паутиной лампочки, как только не перегорели в такой грязи, но глаза моментально приспособились к полумраку, а дальше лестница уперлась в широкий тоннель.

Справа и слева послышались быстрые шаги, Михаил торопливо отступил на два шага, присел и, держа пистолеты в вытянутых руках, изготовился стрелять как можно быстрее.

Похоже, те, что спешили к лестнице справа и слева, обменивались знаками, потому что сразу два человека с автоматами в руках возникли с обеих сторон.

Михаил с силой надавил на скобы, и тут же над головой просвистели пули, высекая за его спиной каменные крошки из ступеней лестницы. Двое, сраженные его выстрелами, выронили автоматы.

Не дожидаясь, когда вяло опустятся на пол, перепрыгнул через их уже неживые тела, уловив по движению воздуха, что слева в тоннеле ничего опасного, а с правой стороны по коридору мощно прет животное тепло, как от скопления большого количества людей или зверей.

Подвал настоящий средневековый: каменные стены, низкий свод, никаких толстых труб вдоль по бокам, даже пахнет временами Саладина.

Он бежал, прислушиваясь ко всем шорохам, на том конце короткого туннеля каменные ступеньки повели еще глубже, где еще сводчатый коридор, мрачный и почти сырой, это в сердце Аравийской пустыни, даже непривычно как-то…

Быстрые шаги бегущих снизу людей он расслышал задолго, всего трое, судя по шагам и запахам, мог бы даже, сосредоточившись, восстановить по колебанию воздуха их лица, потому вдохнул быстро и, задержав дыхание, высунул кисть руки с зажатой в ладони рукоятью пистолета.

Шаги оборвались сразу после его трех выстрелов, послышался шум от падения тел. Он выскочил, все еще настороженный, все трое получили пули в головы, но третий пытается встать, лицо в крови, однако сумел поднять автомат и повернуть в сторону чужака.

Михаил выстрелил и, перепрыгнув через тело, ринулся вниз по ступенькам, а дальше по широкому коридору пронесся, как конь, вслушиваясь и внюхиваясь во все звуки и запахи.

Он издали увидел толстую дубовую дверь с огромным металлическим засовом, напряг слух до предела и почти сразу услышал с той стороны очень тихие голоса:

– Что-то хлопнуло вверху?

– Показалось, – ответил другой. – Размечтался…

– А что, вдруг передрались?

– А последний убился о стену?

– Вот-вот, чего в нашей жизни не бывает?

Бадрутдин, мелькнуло в голове Михаила. Его уверенный и чуть хрипловатый голос. С ним однажды плечом к плечу вели бой на перевале, удерживая целый отряд боевиков. Помощь подоспела, когда кончились патроны и готовились драться десантными ножами. А еще вместе прошли от и до рискованную операцию по доставке оружия боевикам в Саудовскую Аравию…

Дико и несвоевременно из нагрудного кармана раздался тихий голос Азазеля из включенного смартфона:

– Наверху зачищено. Как у тебя?

– Заканчиваю, – сообщил Михаил.

– Спуститься к тебе?

– Охраняй выход, – попросил Михаил. – Справлюсь.

– Хорошо, выводи. Подстрахую.

– Отбой, – шепнул Михаил, впереди ощутил затаившихся людей с оружием, не стоит, чтобы Азазель встревожился, снова услышав стрельбу.

Он ринулся по коридору, взвинченный и с пистолетами в руках наготове. Сбоку к двери, из-за который он услышал голоса, выбежал боевик с автоматом в руках. Михаил выстрелил и, не дожидаясь, пока тот распластается на полу, перепрыгнул и с разбегу ударился в дверь.

Она разлетелась в щепки, в глубине каменного мешка двое заключенных со связанными за спиной руками испуганно дернулись.

Один вскрикнул неверяще:

– Макрон?

– Привет, Бадри, – сказал Михаил. – А это… неужели Сархан? Ого, какую бородищу отрастил! Под фундаменталиста косишь?.. Ладно, давайте выбираться. Идти сможете?

– Я смогу, – сказал Бадрутдин, – а Сархан попрыгает на одной, как дрессированный гусь.

– Сам ты гусь, – огрызнулся Сархан.

– Некогда прыгать, – ответил Михаил. – Мало ли что тебе хочется. Перехочется! Лезь на спину!.. Ах да, дай уберу веревку…

Бадрутдин спросил быстро:

– А как… охрана?

– Передрались, – объяснил Михаил. – А последний, как у них и водится, убился о стену. Сархан!

Сархан, даже не разминая затекших рук, беспрекословно выполнил приказ командира, повис на его спине, держась за плечи и стараясь не давить на горло, обхватил ногами, а Михаил метнулся обратно, почти не чувствуя добавочного веса.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/orlovskiy_gay/reyd-vo-spasenie

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить